

Анна Бигси

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТЫ МЕНЯ НЕ СЛОМАЕШЬ

18+

БРАКОВАННАЯ

Анна Бигси

Бракованная. Ты меня не сломаешь

<https://litres.ru/74287269>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я — позор семьи, бракованная дочь, живущая в вечной тьме. Меня выдают замуж без права голоса, как товар. Мне все равно, главное — я получу свободу. Но в день свадьбы рушится эта надежда.

Незнакомец появляется, как гром среди ясного неба, и похищает меня прямо в фате и белом платье. Крики и слезы бессмысленны, никто не придет на помощь. Теперь я трофей и принадлежу этому безжалостному монстру.

Его имя — Джихангир. Но он не знает, что сломанную куклу нельзя сломать дважды.

Содержание

Глава 1. Аделия	4
Глава 2. Аделия	11
Глава 3. Аделия	16
Глава 4. Джихангир	21
Глава 5. Аделия	26
Глава 6. Джихангир	31
Глава 7. Аделия	37
Глава 8. Джихангир	42
Глава 9. Аделия	47
Глава 10. Джихангир	55
Глава 11. Джихангир	62
Глава 12. Джихангир	67
Глава 13. Аделия	73
Глава 14. Аделия	79
Глава 15. Джихангир	85
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Анна Бигси

Бракованная. Ты меня не сломаешь

Глава 1. Аделия

Мелкий дождик монотонно барабанит по карнизу, успокаивая мысли и притупляя волнение. Прижимаюсь щекой к прохладному стеклу и прикрываю глаза, растворяясь в иллюзорном ощущении безмятежности. Сейчас бы выйти в сад, подставить лицо и руки мягким каплям и кружиться пока не упаду в траву, но грудь стягивает тугой корсет, напоминая, что я себе не принадлежу.

— Аделия, ты почему еще не одета? — голос мачехи звучит совсем рядом и мелкой рябью расходится по коже. — Давай я тебе помогу.

Отстраняюсь от окна и послушно поворачиваюсь спиной, чтобы она застегнула многочисленные пуговицы на платье. Сама я с ними справиться не могу.

— Ты бледная, — замечает Лейла. — Совсем не спала?

— Не спала, — вздыхаю обреченно. — Да и как уснуть?

— Детка, не изводи себя, — голос мачехи теплеет.

Она заменила мне мать, которую я совсем не помню. Все-

гда была доброй и ласковой, вопреки всему. Лейла единственный человек в этом мире, кто искренне любит меня и расставаться с ней невыносимо.

— А Муслим... какой он? — спрашиваю тихо, чтобы не думать о плохом.

Мы встречались лишь один раз, когда он приходил в дом отца, чтобы заключить сделку. Меня показали ему, как товар на рынке и отправили в комнату. Уже потом я узнала, что стала невестой влиятельного человека.

— Твой жених уважаемый человек, — слова Лейлы звучат словно сквозь толщу воды. — Он молодой и привлекательный, будет о тебе заботиться...

Разве это самое главное для невесты? Хотя в моей ситуации выбирать не приходится. Возможно, этот вариант вообще единственный, чтобы выйти из клетки, в которую меня заточил отец, поэтому я даже не пытаюсь спорить. Да и нет у меня права голоса.

— Я смогу учиться?

— Как решит муж...

Сейчас отец. Потом муж. А я решать за себя не смогу никогда. Давлю тяжелый вздох, ни к чему роптать на судьбу. Все будет так, как задумано свыше.

— Ты очень красивая, Ада. У тебя белоснежные волосы и глаза цвета весеннего неба. — Восторженно выдыхает мачеха, а я пытаюсь представить все это, но свое лицо помню очень смутно. — Жених сразу поймет какое сокровище ему

досталось и сделает тебя счастливой.

— Пусть так и будет, — улыбаюсь я и в груди загорается крохотный огонек надежды. Может и правда мне повезет и Муслим окажется принцем из сказки, что читала мне Лейла.

Моя ладонь медленно скользит по атласной ткани, расшитой множеством жемчужин и стразов. Подушечки пальцев касаются каждой словно рисуют свой, особенный узор. Должно быть красивый, Лейла сказала, что у меня самое лучшее свадебное платье, о котором можно только мечтать.

Но я мечтаю совсем не о платье. Мне хочется получить свободу, вырваться из заточения, шагнуть за пределы этих стен. Если для этого нужно стать женой Муслима, я сделаю это с гордо поднятой головой.

— Жених подъезжает, — раздается строгий голос отца и грубый стук в дверь. — Поторопитесь. Нельзя заставлять его ждать.

Волна мурашек прокатывает по коже, заставляя зябко передернуть плечами.

— Идем, — отвечает за нас мачеха и обнимает меня. — Детка, ты готова?

Нет! Паника на мгновение сковывает все внутренности и сдавливают легкие, мешая сделать вдох. Или это корсет слишком туго затянут? Справиться с эмоциями получается не сразу, но несколько глубоких вдохов приводят в чувство.

— Да, — покорно склоняю голову и на лицо падает фата, скрывая меня от посторонних глаз.

Впрочем, не привыкать. Я давно невидимка в доме отца, иногда мне кажется, что о моем существовании вообще мало кому известно. Я бракованная дочь, позор семьи, отец стыдится меня, но сегодня сделал исключение и устроил шикарный праздник в честь моей свадьбы. Но не для меня, конечно.

— Ну все, пойдем... Я буду рядом.

Киваю. Лейла берет меня под руку и ведет к двери, туфли утопают в пушистом ковре, а я привычно считаю шаги. Один, два, три, четыре... Мне это нужно, чтобы не теряться в пространстве. Дверь открывается на себя.

Проходим по длинному коридору в тринадцать шагов, потом лестница в двадцать ступеней. Держусь за перила, а ладони от волнения становятся влажными. Платье длинное, мягкими волнами спадает от талии и прикрывает ступни, лишая походку уверенности. Лишь бы не оступиться и не скалиться кубарем по лестнице, а то получится эпично. Свернуть шею на собственной свадьбе.

— Муслим уже здесь, — шепчет мне на ухо мачеха, пока мы неспешно спускаемся, вымеряя каждый шаг.

— Ты видишь его? — сердце колотится быстрее, а во рту пересыхает.

— Да, смотрит на тебя. Улыбайся, порадуй жениха.

Выдавливаю из себя подобие улыбки, хотя вряд ли он разглядит мое лицо. Но взгляд на себе ощущаю отчетливо. Он тяжелый и тягучий, даже скорее липкий, скользит по мне,

оставляя разводы. Мне не нравится и хочется отряхнуться.

— Это точно Муслим? — спрашиваю на всякий случай.

— Ошибки быть не может, — Лейла накрывает мою ладонь своей и ободряюще похлопывает. — Все хорошо. Не переживай.

Мы спускаемся на первый этаж. Я слышу голоса и звуки музыки, доносящиеся из гостиной. Гости наверняка уже собрались, все ждут только меня и начала церемонии.

— Пойдем, — мачеха ведет меня за собой, а я крепко держу ее локоть, чтобы не споткнуться и не упасть.

Мы входим в зал и становится тише. На меня смотрят сотни глаз, рассматривают, изучают словно под микроскопом. Это неприятно, но я не подаю вида, продолжая улыбаться.

— Моя невеста, — раздается голос совсем рядом. Это Муслим. — Ты великолепна.

— Спасибо, — смущенно отвечаю я.

— Но кое-чего не хватает, — задумчиво тянет жених, а у меня внутри все сжимается.

— Чего? — теряюсь на мгновение.

— Моего подарка.

Фата беспардонно приподнимается и холодная тяжесть ложится на грудь. Лейла ахает, а в зале слышится шепот. Трогаю ладонью камни. Это кольцо или ожерелье, судя по всему, дорогое. Даже как-то неудобно.

— Так то лучше, — хмыкает Муслим, а Лейла толкает мне локтем в бок.

— Спасибо, — спохватываюсь я. — Это очень красиво.
Говорю первое, что приходит в голову.

— Формальности соблюдены, — голос жениха становится жестким. — Осталось закончить ритуал, как можно быстрее.

Муслим крепко сжимает мою ладонь и тянет за собой, а я едва поспеваю и пытаюсь не споткнуться. Проходим сквозь толпу. Слышу со всех сторон смешки и перешептывания и чувствую, как щеки заливают жаром стыда и негодования.

— Начинай, — сухо бросает жених и останавливается.

Я едва не врезаюсь в него, но вовремя нахожу точку опоры и ловлю равновесие. Мне страшно и неприятно, но я не могу выдавить из себя ни звука. Боюсь пошевелиться, стою словно парализованная и заставляю себя дышать.

— Если никто не возражает... — раздается голос ведущего, а я стискиваю кулак так, что становится больно. Еще несколько секунд и все закончится. Назад дороги не будет, да ее и сейчас нет. Только в дом Муслима.

— Начинай, — зло цедит жених.

— Возражает, — мужской голос эхом разносится на залу, звучит надменно и властно.

Замираю и по инерции поворачиваю лицо в сторону звука. Кто это? Что происходит?

Муслим резко выпускает мою руку и оборачивается, грубо задевая меня плечом. Сердце трусливо сжимается и ищет угол в грудной клетке. Голова кружится, а дышать становится все тяжелее.

Пространство сжимается вокруг меня и становится так тихо, что слышно каждый шорох. Особенно шаги, тяжелые и уверенные. Они неотвратно приближаются и останавливаются прямо за моей спиной. Чужое дыхание слышится над головой и все тот же тембр:

— Я против...

Глава 2. Аделия

Вокруг меня так тихо, что я слышу собственное дыхание под фатой. Неровное и тяжелое, словно пробежала марафон. Пальцы леденеют от ужаса, а пульс слишком разгоняется.

— Ты ошибся адресом, Джихангир, — раздается злой голос моего жениха.

«Джихангир» — это имя прокатывается по залу гулким эхом. Со всех сторон слышится шорох одежды, скрип паркета, шепот голосов. Его называют: «Джин» и «пес Тагаева». Атмосфера меняется слишком быстро, но сразу становится понятно, что этого человека знают все и боятся. Но кто он? Я никогда прежде не слышала этого имени.

— Я никогда не ошибаюсь, — мужчина спокоен и уверен, будто не он только что вмешался в чужую свадьбу.

Под фатой становится нечем дышать, а все происходящее пугает с каждой секундой все сильнее. Горячее дыхание Джихангира касается макушки, запуская волну мелких мурашек по коже. Платье внезапно становится очень липким и каким-то колючим, хочется стащить его с себя.

— Что происходит? — нервно шепчу я и кручу головой, улавливая все доступные звуки. Никто мне не отвечает, меня будто вообще не видно и не слышно.

— Что за цирк ты устраиваешь? Тебя не приглашали, — негодует Муслим.

— Я пришел забрать свое, — хмыкает мужчина за спиной. Свое?

По позвоночнику скользит ледяная дрожь, смешиваясь с нехорошим предчувствием. Сердце в панике жметя к ребрам и стучит, как сумасшедшее.

— Здесь нет ничего твоего, — отрезает жених, хватая меня за руку и дергает на себя. — Это моя невеста.

Врезаюсь в его грудь и шумно втягиваю воздух, пропитанный потом и тяжелым, приторным парфюмом. Запах такой резкий и удушающий, что к горлу подкатывает тошнота.

— Уже нет, — слова разрезают тишину, как гром и затихают.

Пауза слишком затягивается и становится невыносимой. Отец почему-то молчит и от этого становится еще страшнее. Он же может отдать приказ охране, у него много вооруженных людей, но я не слышу шагов, значит никто не двигается. Время словно замерло в одной точке.

— Ты переходишь все границы, пес Тагаева, — выплевывает Муслим с брезгливостью.

— Границы? — раздается тихий смешок. — Это ты решил, что можешь войти в семью Илая, через его дочь. Я не позволю.

Они говорят обо мне так, словно меня здесь нет. Или я вещь, у которой нет ушей и чувств, а мне хочется провалиться сквозь землю, чтобы не присутствовать при этом унижении.

— Как ты можешь помешать мне?

— Илай, — голос Джихангира, как раскат грома. — Вре-
мя платить по счетам.

— Джин, ты не можешь вот так, спустя столько лет, —
отец невнятно мямлит.

— Долг чести не имеет срока давности, — продолжает
мужчина. — Я забираю твою дочь в уплату.

— Что? — Дергаюсь, как от пощечины и качаю головой.

Это все мне просто снится. Так не бывает. Это невозмож-
но. Но крепкие пальцы сходятся на моем плече. Не грубо,
но уверенно.

— Илай! — рявкает Муслим.

— Он в своем праве, — обреченно отвечает отец. И в этот
момент я понимаю, что меня снова предали.

— Ты пойдешь со мной, — все тот же бесстрастный голос.

— Нет-нет-нет, я никуда с вами не пойду, — вырываю ру-
ку, шарахаюсь куда-то в сторону, но спотыкаюсь о длинный
подол, теряю равновесие и лечу.

Зажмуриваюсь по инерции в ожидании болезненного при-
земления, но полет прерывается раньше, чем я касаюсь пола.
Меня подхватывают и мир переворачивается. Вскрикиваю,
когда Джихангир закидывает меня на плечо. Фата сползает
набок, волосы рассыпаются по спине, корсет впивается под
ребра, вызывая боль и мешая дышать. Как же унижительно!

— Папа! Лейла! — кричу я, голос предательски срывает-
ся, но никто не приходит на помощь, не пытается меня за-

щитить и остановить этого монстра. Им всем плевать на меня и что со мной будет.

— Отпустите, — голос срывается, колочу кулаками по массивной спине. — Пожалуйста! Я не хочу!

— Аделия! — рывкает отец, а я вздрагиваю всем телом от его голоса. — Не позорь семью...

Глаза начинает жечь. Сдерживаться слезы больше не получается. Они текут по щекам и, наверное, капают на пол.

— Лейла, — шепчу беспомощно. — Пожалуйста...

— Прости меня, Ада... — отвечает она и последняя надежда рушится.

Сопротивляться нет никакого смысла, Джихангир сильнее меня и справится с любыми попытками к бегству. Затихаю и безвольно повисаю на плече мужчины, который бесцеремонно уносит меня со своей собственной свадьбы. Как вещь, которую только что купил. Даже не купил, а забрал бесплатно. И никто его не остановил, не сказал и слова поперек...

Меня опускают на сидение машины, сразу же пытаюсь вырваться наружу, но дверь с глухим щелчком закрывается перед носом, отрезая меня от остального мира.

Джихангир опускается рядом, слишком близко, словно заполняя собой все доступное пространство. Вжимаюсь максимально в дверь, судорожно хватая ртом воздух. Обхватываю плечи ладонями, меня трясет, как в лихорадке, а зубы отбивают ритмичную дробь.

Несколько секунд гнетущей тишины, чувствую на себе опасный взгляд и отворачиваюсь к окну. А потом все тот же голос строго приказывает:

— Трогай, — и машина резко срывается с места.

Глава 3. Аделия

Машину заносит на повороте, врезаюсь плечом в дверь и шиплю от боли. Дыхание сбивается окончательно, а страх курсирует по венам. Нужно что-то предпринять, как-то выбраться, пока не стало слишком поздно.

Под пальцами ощущается прохлада кожаного сидения и атлас платья. Вокруг все та же тишина, которая сводит с ума. Я до конца не понимаю, что происходит.

Все произошло слишком быстро и без единого выстрела. Еще десять минут назад я собиралась выйти замуж за Муслима, а теперь лечу неизвестно куда с незнакомым мужчиной, которого боится даже сам отец.

Паника новой волной подкатывает к горлу, сжимает его и не отпускает, а в голове бьется только одна шальная мысль — я должна вырваться из этого плена. Уж лучше сразу смерть, чем стать игрушкой для чудовища.

Поддавшись порыву, дергаюсь к двери и нащупываю ручку.

— Не стоит, — рядом раздается знакомый голос, но я игнорирую его и пробую еще раз и еще. Ручка не поддается, заблокировали

— Остановите машину, — требую я. — Немедленно остановите. Вы не имеете права! — голос срывается на крик.

— Борзая, — хмыкает мужчина спереди.

— Не то слово, — отзывается Джихангир, а мне совсем не до шуток.

— Куда вы меня везете?

Становится тихо, а на лице я ощущаю тяжелый взгляд.

— Домой, — сухо сообщает похититель.

— Мой дом в другом месте!

— Уже нет.

Воздух застревает в легких, с трудом удается сделать выдох.

— Да кто вы такой?.. — цежу сквозь зубы.

— Джихангир Джалалов, — спокойно поясняет он.

— Я слышала имя, но мне оно ни о чем не говорит.

— Тогда не задавай глупых вопросов, — раздражается похититель.

Я отворачиваюсь к окну, хоть ничего и не вижу, но психологически становится проще.

Кондиционер в салоне работает слишком сильно. Мне холодно, но я не собираюсь показывать слабость, лишь зябко веду плечами и рефлекторно обхватываю их руками, пытаюсь согреться. Не помогает. Зубы все равно мелко стучат, отбивая дробь.

— Фара, убавь кондей, — раздается рядом насмешливый голос. — Наша гостья замерзла.

— Гостья? — возмущенно фыркаю.

— Будь хорошей девочкой, — устало продолжает Джихангир. — И никто не пострадает.

Не успеваю ответить, как на плечи опускается ткань. Похоже на пиджак или что-то подобное. Он согрет чужим теплом и пропитан терпким мужским парфюмом. Так и хочется закутаться, спрятаться от всего этого безумия, что творится вокруг, но я еще не растеряла остатки гордости.

— Не надо, — небрежно сбрасываю пиджак с плеч.

— Как хочешь.

Обнимаю себя сильнее.

— Муслим вас убьет, — говорю я, хотя большой уверенности в том, что меня хоть кто-то будет искать нет.

— Пусть попробует, — смеется Джихангир.

Звучит, как обычная бравада, но от его слов становится не по себе. Вряд ли он хвастается или угрожает. Скорее констатирует факт, потому что знает, что сильнее моего жениха и отца вместе взятых. Только мне что с этого?

Дальше едем молча. Меня мутит от голода или напряжения, сама не понимаю, а может от запаха парфюма, который витает в воздухе. В любом случае хочется побыстрее оказаться на улице, подальше от замкнутого пространства и Джихангира.

Каждый раз, когда машина поворачивает или тормозит, внутри все замирает от детского страха. Мне сложно удерживать себя в пространстве, когда все вокруг движется. Да и не ездила я никуда уже несколько лет.

Дверь открыть я больше не пытаюсь. Все равно это бессмысленно. Никто меня не выпустит, да и прыгнуть на ходу

не хватит смелости. Даже не представляю, как на такое можно решиться.

Машина сбавляет скорость, а звук дороги меняется, словно мы едем уже не по асфальту. Колеса будто шуршат, возможно по гравию. Мы приехали «домой»?

Раздается металлический лязг, наверное, ворота. Высокие и тяжелые, как и в доме отца. Снаружи слышатся мужские голоса и лай собак. Волнение захлестывает с новой силой. Куда меня привезли? Зачем? Для чего я им нужна?

Машина останавливается, мужчины выходя на улицу, оставляя меня одну. Тишина становится полной, а я даже вздохнуть боюсь.

Неожиданно дверь рядом открывается и в салон врывается холодный влажный воздух.

— Выходи, — спокойно произносит Джихангир.

А я вжимаюсь в сидение и качаю головой. Потому что понимаю, как только выйду, назад дороги не будет. Отец не примет меня.

— Пожалуйста, — прошу я. — Отпустите меня домой...

Мой похититель молчит. Слышно только, как дождь барабанит по крыше.

— Аделия, выходи. — раздраженно вздыхает Джихангир.
— Не заставляй применять силу.

Мои пальцы дрожат очень сильно, я едва могу двигаться, но все же осторожно выбираюсь из машины, придерживая подол платья. Холодный дождь сразу же падает на кожу,

оставляя неприятные капли, а ветер путается в волосах.

Каблуки скользят по мокрому камню, я едва держу равновесие, но сильная рука Джихангира поддерживает меня.

Чертово платье. Чертовы каблуки. Чертов день. Решили доконать меня? Не выйдет. Я не такая слабая, какой кажусь.

Джихангир ведет меня вперед, крепко удерживая за руку. Я слышу вокруг чужие шаги и голоса, но мы проходим мимо. Входим в дом и шум стихает, словно кто-то поставил на паузу.

Воцаряется тяжелая тишина и по коже бегут мурашки, а потом раздается незнакомый мужской голос.

— Джин, ты нахрена это сделал?

Глава 4. Джихангир

Камал встречает почти у порога. В строгом сером костюме и суровым лицом. Видимо, я должен испугаться и кинуться оправдываться? Не в этот раз.

— Это вместо приветствия, брат? — ухмыляюсь я и качаю головой, предупреждая, чтобы не переходил границы. Ни к чему разговаривать со мной в таком тоне при посторонних. Я и ответить могу.

— Поговорим в кабинете, — кивает он, разворачивается и уходит.

В том, что Камал уже все знает сомневаться не приходится, иначе не встречал бы меня с таким фейсом. Все же новости в наше время разлетаются слишком быстро, не успел даже кашлянуть в одном месте, как в другом уже доложили.

— Фара, отведи девушку наверх, — передаю Аделию Фараху из рук в руки.

— В твою комнату? — скабрёзно усмехается он, а я раздраженно закатываю глаза. Все же минусы у него тоже имеются.

— В гостевую и башкой за нее отвечаешь.

— Понял.

Аделия не смотрит на меня и никак не комментирует мои действия. Это лучше, чем очередная истерика. Не люблю я всего этого бабского. Слезы, сопли, нытье — не трогает со-

вершенно, скорее наоборот вызывает острую волну раздражения. В общем, не моя тема.

Фара берет девушку за плечо и уводит к лестнице. Аделия идет спокойно и не сопротивляется. Провожая их взглядом, и ухожу в след за Камалом.

Дверь в кабинет открыта, сам он стоит у окна, спиной ко мне. Поза агрессивная, а спина напряжена. От него волнами расходится темная энергия, едва не сбивающая с ног. Кам бывает жестким, как и все мы.

Мы братья, хоть и не родные. Он и его семья – моя семья, другой у меня нет и уже не будет. Люблю и уважаю каждого ее члена, но в данной ситуации пойду до конца, даже против них.

— Не знал, что у Фаттахова есть дочь. — Камал не оборачивается.

— Я тоже не знал, пока Муслим не собрался на ней жениться, — бросаю равнодушно и опускаюсь в кресло. Откидываюсь на спинку и вытягиваю ноги. Хочется расслабиться и хоть на пару минут отключиться от всего.

— Ты хоть понимаешь, что натворил? — Кам разворачивается и впивается в меня острым взглядом.

Его голос вибрирует от едва сдерживаемой ярости, но мне все равно. Я не боюсь ни его, ни кого бы то ни было. Хватит, отбоялся уже.

— Естественно — спокойно отзываюсь. — Я забрал то, что принадлежит мне по праву. Никто не возразил.

— Принадлежит? — Камал едва не огнем пышет. — Своими действиями ты подставил всех нас. А если начнется война?

— Значит будет война, — уверенно припечатываю я. — Или ты реально думаешь, что я позволю этой мрази породниться с семьей Фаттаховых? Ты за кого меня принимаешь? Скажи спасибо, что я не грохнул его прямо у алтаря.

— Спасибо, млять, — выдыхает он и падает в кресло напротив. — Ты реально не понимаешь, что творишь?

Несколько секунд длится дуэль взглядами. Кам не выдерживает первым и отводит глаза.

— Все я понимаю и решение принял взвешенное, — поясняю все так же ровно. — А ты слишком размяк, брат.

— Размяк? У меня теперь жена и дети. Я не имею права ими рисковать, а Зейн и Баха? О них ты подумал?

— А должен был? — мой голос звучит резче, чем хотелось. — Я Тагаевых в свои разборки не втягиваю. Моя фамилия Джалалов, хочу тебе напомнить.

— Ты мой человек и этим все сказано. За все, что ты делаешь, я несу ответственность.

Вот сейчас было очень неприятно, но упрекнуть Камала не в чем.

— Ты неправ, Кам, — смотрю на него с вызовом. — Я никому не должен и сам принимаю решения, отвечать за которые тоже буду тоже сам.

— Да охренеть, как ты крут, Джин! — эмоционально

всплескивает руками Камал.

— Сарказм? — вопросительно дергаю бровью. — Я не оценил.

Наше общее раздражение нарастает, превращаясь в огромный ком. Желваки на лице Камала проступают все отчетливее

— Верни девчонку, брат, — требует он.

— И не подумаю, — качаю головой. Этот вопрос решен и обжалованию не подлежит.

— Давай порешаем цивилизованно, пока еще не поздно?

— Как ты заговорил, когда это не касается тебя лично, — криво усмехаюсь я. Куда делся тот человек, который не моргнув глазом ввязывался во всякий треш, не заботясь о последствиях?

— Дело не в этом! — Кам сжимает переносицу пальцами.

— И в этом тоже, Камал, — спокойно отвечаю я. — Я понимаю тебя и не прошу вписываться. Это мои проблемы, я решу их сам. Как посчитаю нужным.

— Если из-за тебя зацепят мою семью, я впишусь, — чеканит он. — И сам тебя остановлю.

— Договорились, — улыбаюсь я и протягиваю руку.

— С тобой сейчас бессмысленно разговаривать, — пожирает мою ладонь и поднимается. — Я поеду.

— Жене привет, — хмыкаю я.

— Подумай еще раз, Джин, — просит Камал, смягчившись. — Мы не вывезем сейчас этот конфликт. Оно того не

стоит.

— Я подумал, Кам, — строго смотрю в глаза. — Я эту мразь закопаю.

Друг хлопает меня по плечу и уходит. Остаюсь один в тишине кабинета. Подхожу к бару и наливаю себе вискаря. Падаю обратно в кресло, залпом осушаю бокал и на пару мгновений задерживаю дыхание, позволяя жидкому огню медленно проскользнуть по пищеводу и приятно опалить желудок.

Выдыхаю и откидываюсь на спинку кресла, достаю из кармана небольшой кулон и кручу в руках, рассматривая. Провожу пальцем по холодному металлу и жду хоть какой-то отклик, но тщетно, внутри ледяная пустота.

Адреналин выгорел и наступил откат в эмоциях. Но сожаления так и не наступило, потому что я знал на что иду и для чего. Муслим не получит власть пока я жив. Если потребуется, я пойду по головам...

Не успеваю додумать эту мысль и посмаковать в своей голове, как слышится громкий звук, словно что-то бьется, а потом женский визг.

— Что еще за херня? — спрашиваю в пустоту и на пару мгновений замираю, чтобы накидать себе вариантов. Ни один из них мне не нравится, и я срываюсь с места.

Глава 5. Аделия

Джихангир уходит и вокруг становится тихо. Эта тишина пронизывает все пространство вокруг и неприятно давит. Она густая, непривычная и чужая, совсем не такая, как в доме отца. Все здесь другое, даже воздух. Сухой и пахнет чем-то терпким и незнакомым, а еще опасным.

— Без глупостей, — этот Фара вцепляется мне в плечо мертвой хваткой и буквально тащит за собой.

Пол под ногами другой, шаги звучат глухо, а пространство не откликается. Я не понимаю, в какой точке нахожусь, где стены, двери, лестница. Никаких подсказок.

Привычно пытаюсь считать шаги. Один, два, три, но сбиваюсь. Слишком быстро для меня, я не успеваю, но останавливать этого верзилу или сопротивляться бессмысленно. Мало того, что я ничего не вижу, так еще и не знаю пространства вокруг. Опасность может таиться где угодно...

— Можно помедленнее, — шепчу я.

— Нельзя, — тихо рычит Фара. — Я не собираюсь возиться с тобой весь день.

Слышу, что мужские шаги звучат иначе и рефлекторно догадываюсь, что впереди лестница. Спотыкаюсь на первой же ступеньке, но по инерции ищу перила и нахожу, но липкая, горячая паника поднимается изнутри. С такой скоростью, я просто сверну себе шею.

— Подождите... я сама, — прошу я, не особо надеясь на чудо, но Фара меня отпускает, а сам уходит вперед.

Выдыхаю, держусь за перила и шагаю по ступеням, врезаюсь в каждую носом туфлей, чтобы не промахнуться.

— Давай быстрее, еще дел много, — недовольно бурчит Фара, едва я оказываюсь наверху и снова хватает меня за локоть.

Тянет меня за собой, шаги отчетливо отдаются по полу. Ковра нет, слышно каждое движение. Фара останавливается, так резко, что я едва не врезаюсь в него, но он успевает предотвратить.

— Слепая что ли? — издевается мой надзиратель и буквально вталкивает в открытую дверь. — Сиди здесь тихо.

Не успеваю ничего ответить, лишь делаю несколько шагов по инерции и врезаюсь в какой-то стол или комод.

— Осторожно, блядь! — кричит Фара, но слишком поздно.

Слышу глухой удар, что-то большое и высокое шатается, замирает на секунду и раздается оглушительный звон стекла. Осколки рассыпаются вокруг меня, попадают на платье и ноги. Скользят по нежной коже и неприятно царапают.

Вскрикиваю и отшатываюсь, но подол платья путается в ногах.

— Твою ж мать! — ругается рядом Фара.

А я не понимаю, что разбилось. Не вижу ничего, только слышу осколки, что катятся по полу и хрустят под тонкой

подошвой туфель. Становится страшно, паника накатывает удушливой волной. Что если это что-то дорогое? Что если меня теперь накажут?

— Не двигайся! — голос звучит резко, но я не слушаю.

Отступаю по хрустящему стеклу. Мне нужно срочно оказаться в безопасности.

— Не дергайся, дура. Порежешься.

Шаг, второй и сильные руки обхватывают меня, приподнимая над полом.

Вздрагиваю всем телом и кричу, что есть силы. Мозг словно отключается и животный ужас застигает остатки разума. Начинаю вырываться, бью руками и ногами, не разбирая куда.

— Не трогай меня! Пусти!

Но Фара держит крепко, словно специально. Чувствую жар его кожи, запах и горячее дыхание. Мерзко и неприятно, но освободиться не получается. Меня поднимают еще выше, как вещь, словно я ничего не решаю.

— Отпусти! Ты не имеешь права! — бьюсь, пытаюсь вырваться из чужих рук.

— Что здесь, мать вашу, происходит? — тихий голос Джина громом проносится мимо нас и все вокруг затихает. — Отпусти девушку.

Фара ставит меня на пол, а я замираю, боясь пошевелиться.

— Она разбила зеркало, — говорит мой надзиратель.

— Специально?

— А черт ее знает, — хмыкает он. — Ненормальная какая-то.

— Хватит! — резко обрывает его Джихангир.

Его голос низкий, хриплый, но холодный. Он не кричит и не давит, но действует как-то магнетически. Его хочется слушаться, ему невольно хочется подчиняться. Это что, магия какая-то?

По привычке поворачиваю голову в сторону голоса.

— Не подходите, — предупреждаю я и пячусь.

Под ногами снова хрустит стекло, вздрагиваю от этого звука, не понимая, куда отступаю. Что там за спиной, я не знаю.

Где Фара? Где Джихангир? Они молчат, не издают ни звука, но я кожей ощущаю, что кто-то медленно и уверенно приближается. Отступаю еще, пока не упрусь в что-то твердое. Похоже стена. Ладонью скольжу по ней, ища опору, но о побеге не думаю.

— Что ты орешь? — голос раздается прямо надо мной.

Вздрагиваю от неожиданности и хочу отодвинуться, но не получается. По обе стороны от меня теперь руки Джихангира.

— Отпустите, — выдыхаю судорожно. — Я не хочу здесь быть...

— Не хочешь? — Джин как будто сверлит меня взглядом. — Хорошо. Со мной пойдешь.

Он хватает меня за запястье и снова куда-то тащит.

— Скажи, чтобы здесь прибрали, — бросает Фаре.

Мы проходим куда-то еще. Не успеваю ничего понять, как оказываюсь в другой комнате. Здесь пахнет совсем по-другому. Мужским, терпким, сильным.

— Будешь здесь, пока твою комнату не уберут, — холодно сообщает Джин. — Постарайся больше ничего не разбить.

Хочется ответить, что без глаз трудно догадываться о расположении вещей в пространстве, но не успеваю. Да и не нужен никому мой ответ. Джихангир проходит мимо, дверь закрывается и становится снова тихо.

Глава 6. Джихангир

Почему я вообще должен разруливать такой простой вопрос? Сюрреализм какой-то.

Возвращаюсь в комнату для гостей, останавливаюсь в дверном проеме и упираюсь в косяк плечом. Мда... весь ковер усыпан серебристыми осколками зеркала. Они бликуют и запускают по потолку и стенам солнечных зайчиков. Только фей и прочих детских прелестей не хватает, прям как на утреннике у Тагаевых.

— Фара, — зову я раздраженно.

Он стоит у окна, спиной ко мне, но сразу оборачивается.

— Я позвал горничную, еще не пришла, — разводит руки в стороны. — Может уволишь к чертовой матери?

— И тебя вместе с ней, — сухо констатирую я.

— Меня то за что? — Фарах искренне недоумевает и идет в мою сторону.

Стекло неприятно хрустит под подошвами его ботинок.

— Не за что? — дергаю бровью и окидываю комнату снисходительным взглядом.

— Да она сама! — оправдывается Фара. — Влетела в зеркало, как танк. Я даже понять не успел, что это было.

Не верить своему человеку нет причины, но и логика с фактами не сходится. Зачем девушке сносить зеркало? Суицид? Немного странный способ. Не заметила? Испугалась?

Хрен ее знает.

Когда я вошел, Фарах держал девчонку на руках, а та отбивалась. Может... Да ну нахер, не посмел бы он. Но от одной мысли становится не по себе, а под кожу прокрадывается раздражение.

— Ты трогал девочку? — спрашиваю прямо и смотрю в глаза.

Ни один мускул на его лице не дергается.

— Так порезаться могла. Как лучше хотел, а она орать...

Челюсть сжимается сама собой.

— А я что говорил делать? — в голосе появляется сталь.

Потому что не нужно... что? Присвоил? С чего вдруг? Не моя она, и не нужна мне совершенно. Закончу дело и пусть идет на все четыре стороны.

— Да понял я, — виновато выдыхает Фара. — Мой косяк. Признаю.

Удовлетворенно киваю.

— Не смей ее касаться.

Он смотрит внимательнее, но не комментирует. И правильно, обсуждать свои слова я не собираюсь.

— Принял. — Фарах набирает в легкие воздуха и все же добавляет. — Она дикая какая-то...

— Да плевать мне, какая она, — цежу сквозь зубы. — Следы, чтобы сама не убила и дом не разнесла.

— С этим сложнее будет, — он усмехается и чешет затылок. — Но я справлюсь.

— Уж постарайся не добавлять мне проблем.

Разворачиваюсь и выхожу из комнаты. Лестницу прохожу быстро. Кабинет встречает тишиной и прохладой. Адреналин ушел и остался только холод. Ледяная пустыня, которая намертво обосновалась в моей душе, сковала сердце. Все просто и привычно для меня. Только непонятное раздражение, что до сих пор скребется в груди, выбивается из общей картины.

Подхожу к столу, но не сажусь, а достаю телефон. Номер Булата в списке последних набранных. Несколько монотонных гудков заставляют напрячься.

— Да, — раздается в динамике спокойный голос.

— Говори.

— Уехали не сразу, — делится он. — Шума было много. Муслим бесится.

Я усмехаюсь. Все ожидаемо, но бесспорно приятно.

— Дальше.

— Он давил на Илая. Требовал отменить свое решение, вернуть ему невесту, а тебя приструнить, — в динамике короткий смешок.

— А Илай?

— Тянет... Не отказывает, но и не соглашается. Мнется... Сжимаю телефон сильнее.

— Он должен Муслиму дохреналион денег, — добавляет Булат. — Очень много. Если надавят, думаю, прогнется. Нет у него выхода. Если только пулю в лоб.

Ну это совсем уже не про Фаттахова. Он трус и мразь.

Медленно подхожу к окну и одергиваю штору, на улице все еще моросит дождь.

— Насколько вероятно?

— Процентов на сто, — смеется собеседник.

— Ясно, — кривая ухмылка появляется на губах. — Сколько у нас времени?

— День, может два. Что предлагаешь?

— Ничего.

— В смысле?

Улыбаюсь, глядя в окно.

— Подождем, — спокойно поясняю. — Пусть Фаттахов сам решит, на чьей он стороне.

— Принял, — сухо бросает Булат. — Если что, на связи.

— Спасибо, брат.

Сбрасываю звонок и опускаюсь в кресло. Достая увесистую папку на Муслима и откидываюсь на спинку. Прокручиваю в голове весь сегодняшний день, вместе с чертовой свадьбой. Как вошел туда без единого выстрела. Никто из охраны Фаттахова не рыпнулся, потому что мои люди стояли по периметру вперемешку с гостями и держали на прицеле всех.

Реакции всех причастных отпечатались в сознании ярким пятном. Это было вкусно. Особенно фейс Муслима. Этот гандон, я уверен, едва в штаны не наложил от страха. Попытался сотрясать воздух, но ничего толком не предпринял.

Жить хочет, урод.

Да, кстати... Поднимаюсь и расстегиваю рубашку, снимаю броник и снова застегиваю. Предосторожность, не более, но иногда может спасти. Все мы не бессмертные.

Илай, еще один трусливый и малодушный скот. Сломался быстрее, чем я думал. Отдал дочь и даже не попытался возразить. Как будто ждал именно этого.

Хмурюсь, постукивая пальцами по столешнице и перемалываю эту мысль. Да бред. Нереально, я все проверил несколько раз и рассчитал до миллиметра. Но с этой девчонкой явно что-то не так. Да, похер.

Мысли плавно возвращаются к Муслиму. Вот здесь все просто и понятно. Он хотел войти в уважаемую в нашем мире семью, стать ее частью и получить власть. Связи и привилегии. Их ни за какое бабло не купишь.

Я его не пустил. Не позволил. Унизил публично и жестко. Так, чтобы запомнил этот день навсегда. Только вряд ли Муслим отступит. Я бы на его месте не отступил. Вопрос только в том, на сколько у него хватит ресурса. И на сколько у Илая. Старик загнал себя в угол. Теперь придется выбирать. И этот выбор решит все.

Дверь открывается тихо, почти без звука. Фарах тенью скользит в кабинет и останавливается у входа.

— Комната убрана. Есть еще распоряжения?

Бросаю на него короткий взгляд и рефлекторно сканирую. Фара спокоен и собран. Но... доверяй, но проверяй. Всегда

надо держать руку на пульсе. Любого из ближнего окружения могут переманить или перекупить.

— Есть, — говорю ровно. — Собери всех.

Он кивает и выходит, прикрыв за собой дверь. А я снова остаюсь один. Провожу пальцами по столу, будто вывожу невидимую линию. Игра только началась, а я ее уже выиграл наполовину. Осталось дожать этих червей.

— Давай, Илай, — говорю в пустоту. — Посмотрим сколько ты стоишь на самом деле.

Глава 7. Аделия

Тишина возвращается почти сразу, как закрывается дверь. Очень плотная, звенящая и давящая со всех сторон. Весь остальной мир словно отрезается невидимой преградой, даже как-то не по себе становится.

Я стою на чем-то мягком и не двигаюсь. Даже дышать стараюсь тише, будто если не издам ни звука меня и не заметят. Это так же глупо, как и игра в детстве. Только я давно выросла и игры закончились.

Руки предательски дрожат, прижимаю к телу и скольжу пальцами по ткани платья, цепляюсь за вышивку и мелкие бусинки, это немного успокаивает. Ровно настолько, чтобы не скатиться в истерику. Дышу глубоко и часто, считаю до десяти и постепенно прихожу в норму.

— Все хорошо, — повторяю, как мантру. — Все уже закончилось.

Но нет. Ничего не закончилось, точнее все только началось и неизвестность обступает со всех сторон. Горло сжимает судорожный спазм. Я делаю вдох, второй, третий, но воздуха все равно не хватает. Слишком душно. И запах... здесь пахнет чем-то терпким и агрессивным. Мужским и холодным. Здесь пахнет опасностью и властью. Джихангир, да очень ассоциируется с ним.

Все чужое и незнакомое, но надо как-то осваиваться. Вряд

ли сейчас раздастся возглас «розыгрыш» и меня отвезут обратно в дом отца, да и не примет он меня. Не после чужого мужчины.

Набираю в легкие побольше воздуха и вытягиваю руки вперед. Делаю осторожный шаг, он получается бесшумным. Все же ковер, мягкий, но без ворса. Развожу руки в стороны, но так и не натыкаюсь ни на какую подсказку.

Выпрямляюсь и делаю еще пару шагов. Медленно и осторожно пробую пространство, как воду, прежде чем в нее войти. Должно быть это приятно. Всегда мечтала побывать на море, но отец так и не свозил ни меня, ни Лейлу.

Еще шаг, второй, третий, ладони вытянуты вперед, но так ничего не коснулись. Ни стен, ни мебели, совсем ничего. Сердце тревожно сбивается с ритма. Где границы? Я же не в пустом помещении?

Шаг, и еще один. Пальцы наконец натыкаются на что-то твердое и холодное. Стена скорее всего. Провожу по ней ладонью, ощущая текстуру, обои. Значит я не в пустоте, уже легче.

Двигаюсь вдоль стены, осторожно ощупывая каждую неровность. Дыхание постепенно выравнивается. Если есть стена, значит и угол есть. А там и дверь найдется. Главное не волноваться и не спешить.

Спустя несколько шагов ладонь и правда упирается в косяк. Сердце взволнованно подпрыгивает, а пальцы жадно скользят по дверному полотну в поисках ручки.

Без труда нахожу и цепляюсь за нее, как за спасение. Дергаю, но не поддается. Еще раз, уже сильнее. Результат тот же. Металл холодный, влажные пальцы соскальзывают.

— Ну откройся же ты... — умоляю я, сама не понимая, кого.

Толкаю дверь плечом, но все бесполезно, она заперта. Меня закрыли в клетке, как животное.

Отступаю на шаг, а пальцы непроизвольно разжимаются. Рука безвольно падает вниз. Я осталась одна. Снова. Раньше у меня хотя бы был дом. Пусть клетка, но знакомая и родная, а здесь... я даже не понимаю, где нахожусь. И не знаю, что со мной сделают в следующую секунду.

От этой мысли по спине пробегает холодок. Резко разворачиваюсь и делаю пару шагов назад, но замираю, услышав голоса. Мужские. Приглушенные, но отчетливые. Они достаточно близко, надо срочно найти. Двигаюсь на звук и упираюсь снова в стену, а потом и в еще одну дверь. Может, конечно, в ту же самую, но... ручка поддается.

Открываю и выхожу из комнаты. Так же по стене двигаюсь на звук и замираю, когда становится лучше слышно.

— ...я тебе говорю, он не отступит, — говорит один.

— Да пусть хоть обосрется, — отвечает другой. — Вопрос не в нем.

— А в чем тогда?

Короткая пауза.

— В старике Илае. Сейчас все от него зависит, — делится

второй.

Меня словно током прошибает. Они говорят про отца.

— Думаешь, прогнется?

— А куда он денется? — хмыкает голос. — У него долгов, как грязи. Если прижмут, он сам эту девку обратно требовать начнет.

Воздух застревает в легких. Обратно? Они обо мне что ли?

— А если нет?

— Тогда... — короткий смешок. — Тогда она останется здесь.

Вокруг повисает тишина, а я забываю, как дышать.

— И что с ней делать?

Шаги. Кто-то, кажется, поворачивается и идет в мою сторону.

— Решат. Я бы не отказался забрать.

Сердце ухает вниз.

— Может, Джин ее себе оставит? — первый голос спрашивает с ленивым интересом.

— Да плевать ему на нее, — отрезает второй — Джину Муслим нужен, а баб у него и так как грязи.

Слова бьют сильнее пощечины. Я... просто часть игры, как декорация.

— Ну а если старик заплатит?

Короткая пауза.

— Тогда вернут, — и тут же добавляет, почти небрежно.

— Или по-другому используют.

Меня словно окатывает ледяной водой. Используют? Вздрагиваю всем телом и не осторожно что-то задеваю пышной юбкой платья. Ощупываю — перила.

— Фара, твою мать! — грозный голос Джихангира громом проносится по дому. — Что это такое?

Замираю и не дышу, будто можно спрятаться от этого пронизывающего взгляда.

— Виноват, сейчас исправлю.

— Не надо. Я сам, — слышатся шаги по лестнице, а я невольно отшатываюсь. Считаю шаги и тороплюсь вернуться опять в комнату. Едва успеваю добраться до двери, как слышу голос за спиной.

— Что ты здесь делаешь? — голос Джихангира звучит прямо надо мной.

Глава 8. Джихангир

Смотрю на часы, мысленно отмеряя время до встречи со своими людьми, и набираю номер одного знакомого фейса. Его помощь сейчас очень кстати.

— Даже не хочу знать, что у тебя опять случилось, — раздается в динамике совсем не приветливый голос Руслана Азарова.

— Да брось, — усмехаюсь я. — Всего лишь хотел спросить, как твоя рука.

— Твоими молитвами, — фыркает он недовольно.

— Ладно, не ворчи. Заживет, как на собаке.

— Джин, хорош, не беси, — раздражается он. — Че тебе надо?

— Да ладно-ладно, — смеюсь я. — Все понял. Давай к делу.

— Ну наконец-то.

— Мне нужна информация на Муслима Хаджиева. Все, что у вас на него есть. И даже то, чего быть не может.

— Хаджиев? — задумчиво говорит Руслан. — Что-то знакомое. Ладно посмотрю, что можно сделать.

— Спасибо, буду должен.

— Ты еще за прошлый раз не рассчитался, — стебется друг.

— Исправлюсь, — честно обещаю я. — До связи.

Сбрасываю звонок и откидываюсь на спинку кресла. Руслан по любому найдет что-то интересное и тогда я нанесу сокрушительный удар по империи Хаджиева, а его самого поставлю на колени. Такие уроды не должны существовать на этой земле.

Взгляд снова падает на часы. Пора, все должны были уже собраться. Забираю телефон и выхожу из кабинета. Фарах с одним из охранников стоит неподалеку и о чем-то переговариваются. Долетают только обрывки фраз.

Прохожу мимо, но инстинктивно улавливаю движение наверху. Поднимаю голову и вижу Аделию. Все в том же пышном белом платье. Слишком хрупкая и абсолютно чужая для моего дома. Какого хрена она не в комнате?

— Фара, твою мать! — рычу я грозно. — Что это такое?

Киваю в сторону лестницы. Он следит за моим взглядом и меняется в лице.

— Виноват, сейчас исправлю.

— Не надо. Я сам, — поднимаюсь по лестнице, перешагивая через ступеньки. Раздражение неприятно шевелится под кожей. Фарах проебался, опять.

Девушка видит меня и пытается сбежать обратно в комнату, но я быстрее и перехватываю около двери.

— Что ты здесь делаешь? — смотрю на нее сверху вниз. Аделия застывает и, кажется, перестает дышать. — Я задал вопрос.

— Я... — губы слегка подрагивают. — Я заблудилась...

— Заблудилась? — повторяю и подозрительно прищури-
ваюсь. — Или шпионишь?

— Нет, я...

Врет, кожей чувствую ложь.

— Это бессмысленно, — перебиваю жестко, беру Аделию
за локоть и веду обратно в комнату.

— Не надо. Пустите, — хрипло шепчет она и упирается.

— Тихо, я сказал, — рывкаю так, что она вздрагивает и
затихает. — Чем раньше ты усвоишь правила, тем лучше для
тебя. Поняла?

Завожу в спальню, прижимаю девчонку спиной к стене и
нависаю сверху. Она смотрит куда угодно, только не на меня
и дрожит, как осиновый лист на ветру.

Кивает несколько раз, надеюсь усвоила.

— Посмотри на меня, — требую я.

Поворачивает голову. Взгляд странный, будто стеклян-
ный, но прошибает до костей. А глаза такие яркие и чи-
стые... цвета весеннего неба.

Черт. Первый отвожу взгляд и хмурюсь своей неожидан-
ной реакции.

— Без моего разрешения из комнаты не выходи, — строго
предупреждаю. — И найди в шкафу что-нибудь, переодень-
ся. Праздник затянулся.

— Хорошо, — тихо говорит Аделия и опускает голову, а
мне хочется, чтобы смотрела на меня.

— Не создавай проблемы и никто не пострадает, — цежу

сквозь зубы и выхожу из комнаты, но ее взгляд все еще горит в сознании.

Спускаюсь на первый этаж. Фарах ждет, но в глаза не смотрит. Знает, что накосячил.

— Все собрались, ждут тебя, — говорит он.

— Подождут, — гипнотизирую взглядом. — Глаз с нее не спускай. Еще один косяк...

— Я понял, — примирительно поднимает руки. — Глаз не спускать. Руками не трогать.

Киваю и прохожу мимо. Выхожу на улицу и иду к флигелю, рядом с которым уже собрались мои люди. Самые верные и надежные. Мужчины в полном обмундировании, ждут моих приказов. Всего двенадцать человек, но этого достаточно. Каждый из них голову положит за меня и никогда не предаст.

Решительно иду к ним, но ловлю себя том, что раздражение никуда не исчезло, а расплзается сильнее и саднит под кожей. Оборачиваюсь на дом, на окна своей спальни, но не вижу там никого. Паранойя?

— Мужчины, — начинаю я, привлекая к себе внимание. — Как вы уже догадались, собрал я вас не просто так.

— Говори, Джин, — первым отзывается Заур. — Мы за тобой в любой пиздец.

Остальные согласно кивают и выстраиваются полукругом.

— Как вы, наверняка, понимаете после сегодняшнего «развлечения» будут последствия, — и снова многие соглашаются. Кто-то кивает, кто-то хмыкает.

— Отлично же повеселились, — усмехается Хан. — И невеста красавица.

Парни одобрительно гудят, а я усмехаюсь. Девчонка и правда красивая, но не для меня она. Хотя им об этом знать не обязательно.

— Я хочу, чтобы каждый из вас был в полной боевой готовности. Объясните своим людям, что в любой момент возможно начнется треш. Чтобы все были в адеквате.

— Ты думаешь Хаджиев сунется к нам? — с сомнением спрашивает Заур. — А яйца-то выросли?

— Не думаю, но лучше перестраховаться.

Раздаю приказы по охране территории и складов с оружием. Нужно защитить особо уязвимые объекты. Пока не ясно откуда прилетит, но будем выяснять.

— Выполняйте, — сухо киваю я. — Хан, отойдем.

Он идет за мной. Прогуливаемся по территории.

— Для тебя у меня отдельное задание.

— Внимательно, — мгновенно становится серьезным.

— Проверь безопасность Тагаевых лично. Я должен быть уверен, что там все спокойно.

— Я услышал. Сделаю.

В кармане вибрирует телефон, достаю двумя пальцами и смотрю на экран. Булат. Млять, слишком рано... Неприятный холодок скользит по позвоночнику, вздыбливая волосы.

— Говори, — бросаю сухо, приняв звонок.

Глава 9. Аделия

Тишина вокруг сгущается, приятной тяжестью ложится на плечи. Я одна, все в порядке. Дыхание постепенно восстанавливается и страх отступает. За спиной твердая стена, значит все не так плохо. Я не дезориентирована, потребуется немного времени и освоюсь.

В конце концов ничего со мной не сделали. Пока. Нужно просто быть послушной и подождать. За столько лет в доме отца я научилась быть незаметной и удобной, не высываться и не доставлять проблем. Сжимаю пальцы в кулак и разжимаю. Для начала надо понять, где я и осмотреться.

Двигаюсь вдоль стены, одной ладонью скольжу по шершавой поверхности, другую выставляю вперед в поисках препятствий. Под ногами ковер, мягкий, но без ворса. Глушит шаги и посторонние звуки.

Пальцы касаются поверхности. Гладкая и прохладная. Ощупываю — это изголовье кровати. Придвинуто к стене, придется обойти. Скольжу ладонью по холодному покрывалу, привычно запоминая текстуру. Обхожу кровать, она большая, можно сказать огромная, но мягкая. Наверное, такая и должна быть у хозяина дома.

Почему-то от мысли о Джихангире по спине пробегают мурашки. Он пугает меня, но этот страх немного не такой, как всегда. Не знаю, мне кажется, этот мужчина другой. Мо-

жет стоит рассказать о своем диагнозе? Нет, это слишком опасно. Вдруг, поняв, что я бракованная, он решит от меня избавиться. Лучше уж пока притворяться и делать вид, что все хорошо. Может тогда меня отпустят?

Прихожу снова к стене и иду дальше, считая шаги. Один, второй, третий. Поверхность меняется на что-то гладкое и холодное. Стекло? Зеркало? Ощупываю и понимаю, что это шкаф-купе. Открываю и сразу замираю. На меня обрушивается запах. Терпкий, мужской, опасный. Так пахнет от Джихангира.

Сжимаю пальцы на ткани. На вешалках висят рубашки, брюки, пиджаки. На полках сложенные футболки и свитшоты. В выдвижном шкафчике шорты какие-то, носки. Что из этого можно взять? Как выбрать? Как определить цвет? Об этом я не подумала. Вероятно, я могу взять что угодно? Ладно, лучше сделать неправильно, чем не сделать вообще.

Он сказал переодеться. Я не хочу, одежда чужая, пахнет им. Это неправильно, так не должно быть. Но гадкое платье липнет к коже, душит и тянет вниз. В нем невозможно нормально дышать. Кожа зудит от кружева, а грудь сдавливает корсет.

Беру первые попавшиеся шорты и натягиваю на себя под юбкой. Это было несложно, а вот развязать корсет задача не из легких. Медленно тянусь к завязкам на спине, пытаюсь нащупать. Но пальцы скользят по плотной ткани и ничего не находится. Пробую с другой стороны и снова провал. Еще

раз и еще, все бесполезно. Корсет затянут слишком туго и сковывает движения. Я не могу освободиться. Паника поднимается мгновенно, я застряла в этом проклятом платье.

— Нет, ну пожалуйста, — жалобно стону я и дергаю сильнее. Но ткань больно впивается в кожу, а грудь сдавливает.

Слышатся тяжелые шаги. Застываю, боясь пошевелиться. Дверь открывается, и кто-то входит.

— Эй, ты чего там шаришься? — раздается насмешливый мужской голос Фараха. — Я вот еды тебе принес.

От неожиданности путаюсь в юбке, спотыкаюсь и падаю на пол, как мешок с картошкой. Черт, что же я такая неуклюжая.

— Ты живая вообще? — он приближается.

— Все нормально, — выставляю руку вперед, словно защищаясь. — Просто запуталась в платье.

Поднимаюсь на ноги и отряхиваюсь.

— Может помочь? — издевается он, а я отчаянно качаю головой. От мысли, что коснется меня снова становится дурно.

— Да ладно тебе, я не кусаюсь. — Решительно идет ко мне. — Повернись.

Слова звучат как-то неправильно, будто скользят по коже. Качаю головой и прижимаю руки к груди, словно это может меня спасти.

— Ну же, — недовольно вздыхает Фара. — Задохнешься же

Упрямо сжимаю губы, но понимаю, что выбора все равно нет. Втягиваю воздух и медленно поворачиваюсь. Фарах касается моей спины пальцами, едва ощутимо, но я вздрагиваю.

— Тихо ты, — усмехается он. — Я аккуратно.

Шнуровка постепенно ослабевает. С каждым движением становится легче дышать и одновременно нарастает напряжение внутри. Он слишком близко и долго, нарушает мои границы. Хочется отстраниться, но терплю эту пытку, потому что иначе не выбраться из этого плена.

Наконец корсет ослабевает настолько, что получается вдохнуть полной грудью. Резко втягиваю воздух, а легкие как будто обжигает.

— Вот и все, — хрипло говорит Фарах, касаясь горячим дыханием моих волос.

— Спасибо, — выдавливаю из себя и отхожу в сторону, прижав руки к груди.

Он не уходит. Кожей чувствую его присутствие. Стоит и смотрит, наблюдает или оценивает.

— Дальше справишься? — лениво бросает. — Или помочь еще?

— Не надо, — резко отступаю, врезаясь спиной в стену. Фарах тихо смеется.

— Какая ты дерзкая... — голос становится ниже. — И красивая...

Мне совсем это не нравится, но слова налипают, как комья

грязи. Зачем он все это говорит? Неужели не понимает, что не нужно?

— Ты не бойся. Я нормальный, — продолжает он. — Не обижу.

Делает шаг ко мне, я шарахаюсь в сторону.

— Хочешь поговорю с Джином...

Сердце взволнованно пропускает удар.

— О чем? — выдавливаю из себя еле слышно.

— Попрошу, чтобы тебя мне отдал, — спокойно отвечает Фарах. — Я заберу. Тебе со мной хорошо будет. Обещаю. Ему все равно не нужна.

От его слов меня будто окатывает ледяной водой. Качаю головой. Нет, даже истерично трясу и двигаюсь вдоль стены, пока не забиваюсь в угол.

— Нет, — шепчу отчаянно.

Фарах усмехается.

— Чего нет-то? Я тебе нравлюсь просто, да? Цену набираешь?

От этих слов становится мерзко и гадко. И голос у него такой же как у Муслима. Липкий, тягучий, сальный. От него хочется помыться.

— Не подходите, — говорю уже жестче.

Но он все равно двигается в мою сторону.

— А если подойду, то что?

С каждой секундой сердце стучит все громче и чаще. Кажется его слышно далеко за пределами моей грудной клетки,

да и комнаты тоже.

— Я буду кричать!

Фарах громко смеется.

— Кричи, — лениво отвечает. — Тут все свои. Кроме тебя.

Его слова врезаются в голову словно острые иглы. Свои для него, а меня никто не защитит. Не придет на помощь. Паника сковывает горло и парализует мышцы.

— Джихангир сказал... не трогать, — цепляюсь за последнее, что приходит в голову. Могу ошибаться и буквально иду ва-банк.

Повисает короткая, но очень напряженная пауза. Фарах недовольно выдыхает.

— Сказал, — соглашается он. — Пока...

Это «пока» холодом проходит по позвоночнику.

— Но он уехал, — добавляет уже тише, а я замираю. — Так что...

— Не надо!.. — качаю головой, хоть ко мне никто и не приближается.

Он просто смотрит на меня. Долго и напряженно. Затем цокает языком и отдаляется.

— Ладно, — говорит уже грубее. — Сиди пока. И поешь. А то еще помрешь тут, и на меня повесят.

Шаги отдаляются, раздается щелчок двери и снова становится тихо. Я стою и не двигаюсь еще секунду, две, три. Пульс постепенно возвращается в норму, а дрожь сходит на

нет. Сколько это будет продолжаться? Зачем он меня пугает? Или это шутки такие? Ничего не понимаю, мне сложно и страшно... Слезы наворачиваются на глаза, но я не позволяю им пролиться.

Резко втягиваю воздух, руки еще трясутся, но я заставляю себя двигаться. Быстро стягиваю платье, оставаясь в тех самых странных шортах и натягиваю первую попавшуюся рубашку. Она огромная, почти до колен, заворачиваюсь в нее, как в кокон. Хотя понимаю, что она меня не защитит.

Соскальзываю на кровать, поджимая ноги. Становится чуточку легче. В воздухе витает приятный аромат еды. Точно, Фарах сказал, что принес поесть. Поворачиваю голову в сторону запаха, но старательно игнорирую его.

Упрямо сжимаю губы, не буду я есть. Не хочу ничего брать от них. Но проходит минута, две, три... желудок громко урчит и болезненно сжимается. Предатель!

Еще какое-то время пытаюсь бороться с голодом, взывать к совести и гордости, но все бессмысленно. Проигрываю эту битву с собственным телом и медленно встаю. Осторожно иду на запах. Пальцы нащупывают край стола, потом тарелку. Аккуратно касаюсь — еще теплая. Глотаю голодную слюну и даюсь. Ем быстро, не разбирая вкуса. Просто потому, что нужно, иначе не выдержу.

Насытившись, оставляю тарелку там же и жадно пью воду из бокала. Сил не осталось совсем. Возвращаюсь к кровати и буквально падаю на нее. Слишком большая, мягкая и пах-

нет чужим запахом, но мне уже все равно. Нервное напряжение вымотало меня окончательно. Сворачиваюсь калачиком и натягиваю на себя край покрывала.

— Я не дома... — шепчу в пустоту и горло сжимается. — Я одна... Меня никто не спасет...

Слезы одна за другой текут из глаз. Тихо и беззвучно. Не останавливаю их, а пытаюсь смириться. Сама не замечаю, как проваливаюсь в сон. Просто отключаюсь в какой-то момент.

Не знаю, сколько проходит времени, но просыпаюсь резко, без причины. Просто открываю глаза и сразу замираю от тревожного ощущения. Что-то не так, в комнате кто-то есть. Сердце срывается с ритма и бьется быстрее.

Я не слышу шагов, я вообще ничего не слышу. Но кожа покрывается мурашками, как будто кто-то смотрит прямо на меня. Не двигаюсь, даже дышать боюсь, а тишина становится невыносимой. Но я боюсь пошевелиться и показать, что не сплю. Закрываю веки, но ощущение только усиливается.

Он здесь. Я чувствую его. Пальцы сжимают покрывало. Вокруг густая тишина. А потом происходит что-то едва уловимое. Просто сдвиг воздуха рядом. Очень близко, даже слишком. Я невольно вздрагиваю всем телом и понимаю — он стоит рядом.

Глава 10. Джихангир

— У нас гости, — сообщаю своим людям. — Заур, на тебе дом. Хан, со мной. Собирай людей.

— Понял, — кивает Заур.

— Кого встречаем, — спрашивает Хан.

— Три машины под завязку. Вооружены и о-очень опасны, — с усмешкой отвечаю я.

Хан лишь цокает языком и улыбается. Отходит, чтобы сделать необходимые распоряжения.

Спустя десять минут наши внедорожники выруливают с территории и устремляются на один из складов с оружием, на который планируется нападение.

— Вот я не пойму, бессмертные что ли? — хмыкает Хан.

— Вот и узнаем, — откидываюсь на спинку и позволяю себе несколько секунд расслабления.

Подъезжаем. Адреналин горячей волной поднимается по позвоночнику к затылку, приводя организм в боевую готовность. Мозг становится холодным и прозрачным, как стекло. Каждая мысль осознанная и звенит.

Люблю это состояние и ценю. В нем нет места рефлексии, вязкого прошлого и туманного будущего. Есть только настоящее простое и ясное. Здесь и сейчас, третьего не дано. И от этой четкости внутри разливается эйфория.

Мы успеваем приехать первыми и занять позиции. Я не

раздаю никаких приказов. Достаточно сказать Хану, дальше он руководит группой. Люди хорошо знают местность и свои точки, бесшумными тенями расползаются в темноте, сливаясь со стенами и остовом бетонного забора. Тишина становится плотной, непроницаемой, а мы ждем.

Через несколько минут фары прорезают темноту. Три машины, как и говорил Булат. Едут уверенно, даже внаглую, без элементарной разведки. Самоуверенные ублюдки. Но это моя земля и мои правила. Так будет всегда, лучше бы всем это запомнить

— По моей команде, — мой шепот тонет в шорохе помех радиации.

В наушнике раздается череда коротких щелчков, парни снимают предохранители. Теперь боевая готовность полная. Тишина становится давящей и натягивается до звона, готовая лопнуть в любую секунду. Но нужно дождаться пока гости въедут прямиком в мешок, приготовленный для них.

— Начали, — отдаю короткий приказ.

Первая автоматная очередь пронзает тишину ночи и проходится пулями по внедорожнику, прошивая его насквозь. Стекла взрываются фонтанами брызг. Отовсюду слышатся крики и отборный мат, перекрывающий грохот выстрелов. Ответный огонь беспорядочный и истеричный начинается запоздало. Мы полностью контролируем пространство и продолжаем давить. Пули свистят над головой и с влажным чмоканьем вгрызаются в металлические двери.

Время замирает, а движения становятся резкими и решительными. Все они четкие и отлаженные до автоматизма. Вижу цель и стреляю не раздумывая, получая жесткую отдачу в плечо. Привычно и почти не больно, главное результат. Первый падает, запрокинув голову, второй летит, как подкошенный, а третий успевает спрятаться за машину и вскинуть ствол. Но пуля находит его все равно. Моя или Хана уже не важно, главное обезврежен.

Отстреливаемся. Хан прикрывает слева, двигается четко, как метроном. Слышу в наушнике его ровное и сбалансированное дыхание, короткие экономные очереди.

— Чисто! — голос в эфире, срывающийся на фальцет от возбуждения.

— Один остался. Мой, — бросаю я, выпрямляясь.

Подхожу к последнему выжившему. Во мне нет ни капли жалости, я с большим удовольствием отправил бы его вслед за товарищами. Но он пока дышит, точнее хрипит. На губах пузырится розовая пена, ранение пришлось в легкое. Его глаза, залитые болью, пытаются сфокусироваться на мне. Я хватаю его за ворот, ткань влажно хлопает от крови, рывком подтягиваю к себе.

— Слушай внимательно, — говорю тихо и равнодушно. — Передашь своему хозяину.

Зрачки умирающего дергаются, пытаюсь зацепиться за мое лицо.

— Еще раз сунется ко мне — я его закопаю. Понял?

Кивает и стискивает зубы. Я разжимаю пальцы, и он мешком падает на асфальт.

— Пошел вон, — смотрю на Хана. — Дайте ему уйти.

Тот согласно кивает и усмехается. Парни не препятствуют.

Он ползет, цепляясь окровавленными пальцами за асфальт. Жалкое зрелище, и этих недоспецов Муслим отправил ко мне? Пусть получит идеальный месседж. Пусть увидит и запомнить, что со мной лучше не играть. Я здесь хозяин, и я провожу границу, за которой — только смерть.

Собираемся в центре. Парни устали, я и сам с ног валюсь.

— Наши потери? — смотрю на Хана.

— Двое трехсотых, — отвечает ровно.

— Отлично сработали, — говорю им всем. — Парням все, что будет необходимо...

— Как всегда, — кивает Хан.

— Здесь надо прибрать, — окидываю взглядом мясорубку, которую мы устроили. — Все же люди приедут за товаром...

— Все сделаем, как надо, — Хан хлопает меня по плечу. — Езжай домой, невеста небось заждалась.

Хочется сказать, что никто меня не ждет. И невеста совсем не моя. Но зачем? Пожимаю, протянутую ладонь и иду к машине. Водитель плавно трогается с места, увозя меня из этого ада.

Адреналин сходит на нет, а вместо него наваливается усталость. Тело требует отдыха, хоть мозг и продолжает работать в полную силу, прокручивая разные варианты развития событий. По всему выходит, что Муслим что-то затеял и не отступится. Он нанесет следующий удар, но куда?

Дом встречает тишиной. Слишком спокойной после недавней перестрелки. Фара выходит мне на встречу. Окидывает придирчивым взглядом и смотрит в глаза.

— Как все прошло? — спрашивает он.

— Нормально, — бросаю, проходя мимо. — Как девчонка?

— Тихо сидела. Проблем не доставляла.

— Хорошо, — иду к лестнице.

Душ и сон — единственное, что мне сейчас нужно.

— Джин, а зачем она тебе?

Останавливаюсь и медленно оборачиваюсь.

— В смысле?

Он неопределенно пожимает плечами.

— Ну... ты же жениться не собираешься. А если вдруг решишь отдать... кому-нибудь.

Его слова не сразу доходят до меня. Повисает пауза, во время которой, я пытаюсь сложить дважды два.

— Фара, — говорю тихо, но голос звучит предостерегающе. — Мне кажется или ты переходишь границы?

Он сразу поднимает руки.

— Да не, ты че. Я просто спросил.

— Просто? — вопросительно приподнимаю бровь.

— Ну да.

Выжидательно смотрю на него. Вроде все в порядке, но внутри что-то неприятно царапает. Какой-то осадок после разговора появился. Но разбираться сейчас нет ни сил, ни желания.

— Закрыли тему, — отрезаю жестко.

— Принял, — отзывается Фарах.

А я поднимаюсь по лестнице в свою комнату. Двигаюсь на автомате, открываю дверь и щелкаю выключатель. Комната озаряется ярким светом, а я замираю на пороге, потому что на моей кровати спит Аделия. Такая хрупкая и нежная, нереальная. В моей черной рубашке, волосы разметались по подушке.

Черт... Я забыл. Вхожу и выключаю свет, чтобы ненароком не разбудить. Стою несколько секунд, жду пока глаза привыкнут к темноте. Глубоко вдыхаю и улавливаю новый аромат. Чужой для меня и этой комнаты. Легкий, с оттенком ванили, он принадлежит Аделии, а от меня пахнет порошком и чужой кровью. Хочется смыть с себя эту грязь немедленно, но сначала к ней.

Слабый лунный свет пробивается сквозь легкую тюль. Этого достаточно, чтобы видеть очертания предметов. Бесшумно иду ближе. Останавливаюсь у кровати и смотрю на лицо девушки. Долго и спокойно, а в голове одна мысль: «Что мне с тобой делать?»

Присаживаюсь на корточки, чтобы стать ближе. Изучаю едва уловимые черты лица, тонкие и нежные. Прядь волос упала на глаза. Тянусь рукой, сам не понимаю зачем. Пальцы едва касаются прядки, убираю ее с лица. И в этот момент Аделия вздрагивает. Резко, как от удара. Глаза распахиваются, смотрят на меня с ужасом и отшатывается.

— Кто здесь? — голос хрипит и срывается.

Я замираю на мгновение и тихо отвечаю:

— Все хорошо, — голос звучит ровно. — Я ничего тебе не сделаю.

— Джихангир? — осторожно уточняет Аделия, а я почему-то улыбаюсь, услышав свое имя, слетевшее с ее губ.

— Да, это я, — поднимаюсь на ноги. — Спи, здесь тебя никто не тронет.

— А вы? — очень прямо, буквально в лоб.

И вот тут у меня нет четкого ответа. Врать не хочется, а правда непонятна даже для меня самого.

Глава 11. Джихангир

Не удостоив девчонку ответом, забираю необходимые вещи и временно перемещаюсь в гостевую. Вообще спать там должна была Аделия, но не гонять же ее среди ночи. Завтра переедет.

Вхожу в комнату и на ходу расстегиваю рубашку, затем ремень брюк и сами брюки. Скидываю все на пол, завтра все это сжечь к херам собачьим. Включаю воду в душевой кабине и уверенно шагаю внутрь. Горячие струи лупят по плечам и спине, расслабляя задеревеневшие мышцы, смывая усталость. Поднимаю голову, позволяя воде стекать по лицу и фыркаю, когда она попадает в рот.

Набираю в ладонь геля для душа и щедро размыливаю по коже, хочется смыть с себя события вечера, очиститься от всей этой грязи хотя бы внешне. Перед глазами неожиданно появляется Аделия. Как шла в свадебном платье и фате к своему жениху. Изящная и красивая, как фарфоровая статуэтка. А потом ее взгляд сквозь меня и глаза такие пронзительно-голубые, что до сих пор не получается забыть. А потом ее сон в моей кровати, чистая, нежная, трогательная, так и хотелось обнять, спрятать в своих руках от всего на свете...

Качаю головой, отгоняя ненужные мысли и воспоминания и выключаю воду.

Мозг еще работает без сбоев, а телу нужен отдых, лучше

полноценный сон. Падаю на кровать прямо в полотенце и закрываю глаза. Нужно восстановить силы, завтра они мне еще понадобятся.

Засыпаю мгновенно, едва коснувшись головой подушки. Буквально проваливаюсь в черную дыру без сновидений. Просыпаюсь так же резко, будто и не спал вовсе. Но в комнате светло, значит утро все же наступило.

Сажусь на постели и разминаю затекшие мышцы. Тело ломит, а в висках неприятно пульсирует, словно бухал пол ночи. Еще и бормотуху какую-то. Растираю лицо ладонями, в памяти всплывают обрывки вчерашнего дня: похищение невесты, разборка на складе с оружием. Выстрели, крики, чужая кровь на руках. Хорошо не своя.

Заставляю себя проснуться окончательно и привычно нагружаю тело. Сначала разминка, потом комплекс упражнений. Все, чтобы быстро прийти в тонус и зарядить мышцы энергией. Потом споласкиваюсь холодной водой и думаю о насущном.

Надо... разобраться с Муслимом. Мысли цепляются одна за другую, выстраиваются в холодную, четкую линию. Кто, куда, зачем. Где он ударит. Где ждать подставы. А где лучше ударить первым. Все просто. Все понятно. Все под контролем. Но что делать с девчонкой ума не приложу.

Прохожу мимо своей комнаты и невольно замедляюсь у двери. Войти? Постучать? Да, млять... Раздраженно закрываю глаза и толкаю дверь, в конце концов это моя комната.

Аделия сидит на кровати, поджав под себя колени и вскидывает голову, стоит мне переступить порог. Белоснежные волосы пенной волной рассыпаются по ее плечам, а голубые глаза смотрят мимо меня. Опять.

— Доброе утро, Аделия, — говорю равнодушно, но голос слегка проседает.

— Доброе утро, Джихангир, — отвечает тем же тоном, вызывая у меня улыбку.

— Как спалось? — пожираю взглядом ее хрупкую фигуру, спрятанную под черной тканью.

Моя рубашка ей сильно велика, висит как балахон. Это должно быть неудобно. Да и в принципе надо решить вопрос с одеждой и личными принадлежностями.

— Все хорошо, спасибо... — привычным жестом поправляет волосы и прячет от меня босые ноги.

Каждое движение этой малышки эхом отдается внутри и причиняет дискомфорт. Не нравится мне такая нестабильность.

— Напиши список всего необходимого, — говорю я. — Я дам распоряжение Фараху, он все достанет.

— Нет, пожалуйста, — шепчет Аделия и виновато опускает глаза.

— Нет? — подозрительно прищуриваюсь я и подхожу ближе.

Девушка кусает губы. Поднимаю ее лицо за подбородок. Аделия вздрагивает, ресницы испуганно дрожат, но она все

равно будто избегает смотреть прямо на меня. Слишком зажатая и напряжена.

— Простите, — шепчет она тихо. Так тихо, что читать приходится по губам.

Но дело в ее реакции. Хмурюсь, внимательнее рассматривая лицо. Оно бледное и почти не выражает эмоций. Ровные, изящные брови, маленький, аккуратный нос, небольшая россыпь веснушек на скулах, и губы... нежные и трепетные, как цветок.

— Он тебя напугал? — также тихо рычу я. — Сказал тебе что-то?

Внимательно слежу за реакцией. Глаза чуть сильнее распахиваются, а губы подрагивают.

— Нет, — Аделия качает головой. — Просто он... он мужчина.

Кусочки пазла в голове складываются сами собой, образуя цельную картину. Она воспитывалась в строгих правилах и закрытом пространстве. Я не подумал об этом. Даже не попытался, если быть честным.

— Я понял, — отпускаю ее и отхожу на безопасное расстояние. — Подумаю, что можно сделать.

— Спасибо, — робкая улыбка появляется на ее губах, а у меня внутри словно фейерверк взрывается.

Что еще за спецэффекты? Стискиваю зубы и стремительно ухожу, не хочу, чтобы она видела мою реакцию. Спускаюсь на кухню, забираю свежесваренный кофе и ухожу к себе

в кабинет.

— Фара, зайди, — бросаю между делом.

Пока жду Фараха, проверяю почту, пролистываю сводки от своих людей. Пока все спокойно, даже странно.

Дверь без стука открывается и заглядывает Фара.

— У нас гости.

— Я никого не жду, — хмурюсь я и подхожу к окну. В следующую минуту во двор въезжает машина Тагаева старшего.

Вот это неожиданно. Зачем он пожаловал? Еще и в такую рань. Сейчас узнаю.

— Проводи в дом, — даю распоряжение своему человеку и залпом допиваю горький кофе.

Нутром чувствую, что ничем хорошим эта встреча не закончится. Тагаев никогда не приезжает просто так. И, что-то мне подсказывает, что я знаю причину его визита.

Глава 12. Джихангир

Выхожу встречать дорогого гостя. Дверь открывается и входит Алан с женой Эльвирой. На мгновение замираю от неожиданности. Эти люди вырастили меня с малых лет, им я обязан очень многим и уважаю их, как родителей. Но не ждал их сегодня в своем доме.

Эльвира Сабировна даже не смотрит по сторонам, отталкивает руку мужа и идет прямо на меня.

— Мальчик мой... — утопаю в ее объятиях. Приходится даже нагнуться, чтобы обнять в ответ.

Алан хмурится, но не произносит ни звука. Судя по всему, брать с собой жену он не собирался, но отказать не смог. Эльвира умеет находить правильные методы воздействия.

— Что же ты натворил... — шепчет она мне в волосы, а в груди что-то болезненно сжимается. Она все знает...

— Все нормально, — улыбаюсь я и отстраняюсь. — Живой же.

Она смотрит на меня, сканирует взглядом, словно проверяет все ли на месте.

— Это не тот ответ, — коротко бросает Эльвира и оглядывается. — Где она?

Вот так сразу, без подготовки и точно под дых, я даже теряюсь на пару мгновений.

— Джихангир, я задала вопрос! — требовательный голос

звенит, эхом отражаясь от стен.

Эльвира проходит мимо меня так уверенно, будто этот дом ее. Фара прилипает к стене, а я усмехаюсь.

— Матушка...

Она останавливается и медленно поворачивается на каблуках.

— Я сказала отведи меня к ней сейчас же.

В глазах стальная решимость, спорить нет никакого смысла, эта женщина всегда добивается своего. Перевожу взгляд на Фараха.

— Фара, проводи Эльвиру Сабировну к Аделии.

— Понял.

— Поживее, пожалуйста, — она устремляется к лестнице так быстро, что Фарах вынужден ее догонять.

Они уходят, и тишина в доме становится плотнее. Я смотрю на Алана, он сверлит меня взглядом, но молчит. Затем разворачивается и идет в кабинет. Приходится следовать за ним.

— Ты всегда выбираешь сложный путь, — говорит Алан спокойно.

— Зато рабочий, — пожимаю плечами. — Кофе выпьешь?

Он разворачивается и снова смотрит на меня, изучает, сканирует. Ищет ответы еще до того, как задает вопрос.

— Ты понимаешь, что сделал? — уточнений не нужно, и так понятно, о чем пойдет речь.

— Да, — смотрю в глаза. — Я не позволил мрази подняться выше и получить власть.

Алан кивает и садится в одно из свободных кресел. Не мое. Признает мою власть, в своем доме я хозяин, а он всего лишь гость. Хоть и очень близкий.

— Но ты втянул в это дерьмо невинную девчонку, — разжевывает то, что я и так понимаю, но умышленно не заостряю внимание.

— Она всего лишь инструмент, — голос звучит максимально небрежно. — В любой войне есть издержки.

— Издержки? — взгляд тяжелеет и многотонной плитой ложится на плечи. — Ты присвоил ее?

— Предпочитаю свою постель не обсуждать, — хмурюсь я, но прекрасно понимаю, куда клонит Алан. — Это мое личное дело.

— Уже нет, — он криво усмехается. — Девушка провела ночь в твоём доме, Джихангир. Ты понимаешь, что это значит для нее?

Мне плевать. По крайней мере должно быть, но почему-то все не так просто.

— А должен? — опускаюсь в кресло напротив и откидываюсь на спинку. — Это не моя проблема.

— Ошибаешься, — Тагаев непреклонен. — Это теперь не только твоя проблема. Ты слишком многое поставил на карту своим поступком.

Внутри закипает. Какого хрена меня распекают, как на-

шкодившего мальчишку? Я давно вырос и отвечаю за свои слова и поступки.

— Алан, при всем уважении, — цежу сквозь зубы. — Она всего лишь долг, который вернул мне Илай. Если он не уважает свою дочь, то почему это должен делать я?

Алан неприятно морщится и жестом просит остановиться.

— Не пытайся нацепить чужую шкуру, Джин. Я знаю тебя с детства.

Видит меня, как облупленного. От тяжелого взгляда ничего не скрыть. В конце концов именно Алан и его семья сформировали во мне мужчину, закалили характер. Он никогда не делал различий между своими сыновьями и мной. Любил одинаково, но и наказывал тоже, по справедливости. От одного его взгляда внутри неприятно скребет. Будто снова семнадцать и я опять где-то проебался.

— Что ты от меня хочешь? — спрашиваю прямо.

— Реши вопрос с Аделией пока не поздно. По совести реши.

— Я не собираюсь жениться, — бью ладонями по столу и подаюсь вперед. — Не будет этого.

— Ты слишком горд и принципиален. Это и достоинство, и недостаток. — качает головой Алан. — Но я верю, что ты найдешь правильное решение. А если нет...

Он не продолжает, а я буравлю его взглядом и невольно сжимаю руки в кулаки. Алан знает, что я не пойду против

семьи. Из его уст это не угроза, а предупреждение. Бескомпромиссное и опасное. От него внутри остается дурацкое, липкое ощущение, словно натыкали носом.

— Хватит, — ставлю точку в нашем разговоре. — Я сам разберусь.

— Добро, — хмыкает Тагаев и поднимается. — Позови Эльвиру, мы уезжаем.

— На обед не останетесь? — вопросительно изгибаю бровь.

— Не сегодня. Приезжай ты к нам вместе с Аделией. Ей будет полезно...

Ничего не отвечаю и выхожу из кабинета. Меня немного потряхивает от раздражения, но в словах Алана есть здоровое зерно. И мне это совсем не нравится. Если он думает так, значит этим могут воспользоваться и другие.

Поднимаюсь по лестнице и иду в свою комнату. Дверь приоткрыта, изнутри доносятся женские голоса. Вхожу без стука и вижу картину маслом.

Эльвира Сабировна стоит у окна, Аделия рядом, босая, в моей черной рубашке, которая доходит ей едва ли не до колен, но выглядит шикарно...

Кожа бледная, волосы белоснежные, рассыпанные по плечам, создают яркий контраст. Аделия красивая, но слишком маленькая для всего этого. Они обе оборачиваются в мою сторону.

— Хватит пугать девушку, — Эльвира Сабировна делает

шаг вперед, закрывая Аделию собой. — Лучше бы одежду принес. И завтрак...

— Я как раз этим и...

— Да перестань, — отмахивается она и берет меня под руку. — Я все записала, и сама закажу.

— Но... — оборачиваюсь, чтобы поймать взгляд Аделии, она не смотрит на меня, но на губах расцветает робкая улыбка, от чего мое сердце непривычно сбивается с ритма.

— Пойдем-пойдем, — Эльвира тянет меня за собой.

— Матушка, — останавливаюсь и разворачиваю ее лицом к себе. — Что происходит?

— Ничего, — она пожимает плечами. — Просто дай ей немного побыть одной и проводи меня.

Спорить бессмысленно, я кладу ее руку себе на локоть и помогаю спуститься с лестницы.

— Ах, да, — внизу Эльвира останавливается и расплывается в довольной улыбке. — Аделия любит ажурные блинчики со сгущенкой и гляссе.

— Я запомню, — улыбаюсь в ответ, ловя себя на мысли, что она непременно получит свой заказ на завтрак.

Глава 13. Аделия

Сижу на кровати, поджав колени к груди и перебираю пальцами складки чужой рубашки. Джихангир ушел и вокруг стало тихо. Так, что слышно, как где-то в доме хлопает дверь. Звучат голоса, мужские и женские. Невольно прислушиваюсь к разговорам, но не могу разобрать слов.

Поднимаюсь на ноги и медленно иду к окну, ощупывая пространство перед собой. Под ладонями ощущаю холодное стекло и прижимаюсь к нему щекой. На лестнице раздаются быстрые, уверенные шаги, совсем не похожие ни на тяжелую поступь Джихангира, ни на ленивую походку Фараха. Невольно напрягаюсь и съеживаюсь, становясь меньше, словно могу совсем раствориться. Так, что никто не заметит.

А шаги неумолимо приближаются. Все ближе и ближе, пока дверь не распахивается.

— Где она? — женский голос звучит так громко и требовательно, что я вздрагиваю.

— Эльвира Сабировна, сюда, — слышится где-то рядом голос Фараха.

Шаги замирают и наступает тишина. Я не дышу, но отчетливо чувствую на себе внимательный взгляд.

— Ох, девочка, — женщина выдыхает, а в следующую секунду оказывается рядом.

Я не успеваю ничего понять, как меня вдруг обнимают.

Очень крепко и одновременно нежно. По-матерински даже. Давно забытое ощущение просыпается где-то внутри и приятно щекотит. Я застываю и не могу пошевелиться от шока. Все это так неожиданно и приятно, что хочется плакать.

— Здравствуй, моя хорошая, — тепло говорит женщина.

— Меня зовут Эльвира Сабировна.

С трудом сглатываю комок в горле.

— А я Аделия...

— Я знаю, кто ты, — в ее голосе слышится мягкая улыбка.

— И знаю, что тебе сейчас страшно.

Страшно... Слово бьет точно в цель. Мне страшно с той самой минуты, как Джихангир вынес меня из дома отца, как тряпичную куклу. Страшно каждую секунду проведенную в этом доме. Даже сейчас страх не отпускает до конца, а сидит за плечами, притаившись и ждет момента моей слабости.

Но почему-то рядом с этой женщиной становится легче дышать. Она словно щит, закрывает меня от опасностей.

Эльвира Сабировна отстраняется совсем немного, но продолжает держать меня за руки.

— Какая же ты маленькая...

Смущенно опускаю голову, не понимая хорошо это или плохо.

— Лейла передала тебе кое-что.

Сердце взволнованно дергается и начинает колотиться быстрее.

— Лейла?.. Она... она в порядке? — сама сжимаю руку

этой женщины.

— Да, — спокойно отвечает та. — Очень переживает за тебя. Просила передать, что любит и еще... просит прощения. Она не могла поступить иначе.

Ком подкатывает к горлу, а глаза начинает щипать. Лейла... женщина, которая заменила мне мать. Не вступилась за меня в самый важный момент в моей жизни. Испугалась мужа? Возможно, но мне не легче. Предательство как не назови сути не изменит. Но это ее выбор.

— Ей не за что извиняться, — робко пожимаю плечами.
— Я не сержусь.

— Она думает иначе.

Легкая улыбка скользит по моим губам, но добавить нечего. Я действительно не держу зла и по-прежнему люблю Лейлу. Да и прощать мне ее не за что, но осадок в душе все равно остался.

Эльвира Сабировна осторожно гладит меня по руке.

— Джихангир тебя не обижал?

Вопрос заставляет врасплох. Перед глазами появляется вчерашняя ночь и сегодняшнее утро. Странно, но рядом с ним мне не так страшно.

— Нет, — качаю головой.

— Хорошо, — тихо отвечает она. — Потому что он хороший человек. Очень сложный, местами сломанный, но хороший.

Не знаю почему, но мне хочется ей верить. А еще, чтобы

эти слова что-то значили для меня, иначе не понимаю, зачем их говорить.

В комнате повисает тишина. Странная и слишком внимательная. Я ощущаю на себе взгляд, точнее угадываю его интуитивно. А Эльвира Сабировна вдруг касается пальцами моей щеки. Осторожно и очень нежно. Потом второй рукой, словно что-то хочет понять. Внутренности будто обдает ледяной водой.

Нет, только не это!

— Аделия... — тихо произносит она.

По одной интонации я угадываю все, что Эльвира хочет сказать и напрягаюсь всем телом.

— Ты ведь не видишь?

Слова звучат, как приговор, а воздух застревает в легких. Пальцы непроизвольно впиваются в ткань рубашки, а сердце колотится так быстро, что становится больно.

Нет-нет-нет! Резко хватаю ее за руку и сжимаю в своей.

— Пожалуйста... — голос ломается. — Пожалуйста, не говорите никому...

Эльвира не сразу находится с ответом.

— Девочка...

— Не надо, — умоляю шепотом. — Прошу вас... если узнают... станет только хуже...

— Почему хуже? — в ее голосе искреннее непонимание.

Я опускаю голову. Слова застревают где-то глубоко внутри, но я вынуждена произнести их. То, что столько раз слы-

шала от отца. То, что отчетливо отпечаталось на подкорке.

— Потому что... я бракованная, — выдыхаю с отчаянием и после моих слов повисает тяжелая тишина. Она опутывает со всех сторон, заставляя дышать чаще.

А потом Эльвина Сабировна резко берет мое лицо в ладони и поворачивает под нужным ей углом.

— Никогда, — говорит жестко и очень серьезно. — Никогда больше так себя не называй.

Я вздрагиваю и пытаюсь отшатнуться, но она не отпускает меня.

— Ты слышишь меня?

Медленно киваю.

— Ты не бракованная, Аделия. И не смей даже думать об этом.

Губы начинают предательски дрожать. Кажется, еще немного и я расплачусь.

— Ну все-все, успокойся, — Эльвира снова притягивает меня к себе и обнимает. — Я никому не расскажу.

Облегченно выдыхаю. Сейчас для меня это самое главное.

— Спасибо...

— Но Джин не дурак, — ее голос становится мягким, понимающим. — Он скоро сам обо всем догадается.

И что будет дальше даже представить трудно. Я ему и так не нужна, а слепая тем более. Но ответить не успеваю, в коридоре раздаются тяжелые, уверенные шаги. Это Джихангир. Узнаю его моментально, еще до того, как открывается

дверь. Он входит и воздух в комнате меняется вместе с моим дыханием и биением сердца.

— Хватит пугать девушку, — говорит Эльвира Сабировна и тут же заслоняет меня собой. — Лучше бы одежду принес. И завтрак.

Они начинают спорить, а я неожиданно улыбаюсь. Так это странно звучит, Джихангира, этого взрослого и грозного мужчину, ругают из-за меня, а он принимает и даже не злится. Как такое возможно?

Эльвира Сабировна уходит не прощаясь и, судя по всему, утягивает с собой Джихангира, в комнате снова становится тихо, но уже не страшно. Если только самую малость.

Глава 14. Аделия

Возвращаюсь к кровати и присаживаюсь на нее. Веду ладонью по покрывалу и вздыхаю. Мои ощущения совсем другие, после встречи с Эльвирой что-то изменилось во мне. Эта женщина будто зарядила меня уверенностью и дала надежду на благополучный исход. Может и правда все не так плохо?

Поднимаюсь с кровати и быстро ориентируюсь. Я уже лучше знаю эту комнату и могу по ней передвигаться. Кровать слева, шкаф дальше по стене, окно напротив, ванная чуть правее.

Двигаюсь медленно, но уже увереннее, чем вчера. Тогда я боялась сделать шаг, а сейчас будто чувствую пространство, а комната перестает быть чужой и враждебной.

Нахожу ванную и захожу внутрь. Здесь прохладно и пахнет гелем для душа, терпким с древесными нотками. Втягиваю его носом, и улыбка сама по себе появляется на губах. Мне нравится этот аромат, он не отталкивает, но от него щекотит в груди.

Нащупываю стену, провожу ладонью по холодному кафелю, по полкам и добираюсь до раковины. Открываю воду и умываюсь холодной водой. В голове немного проясняется.

Когда возвращаюсь обратно, улавливаю совсем другой запах. Выпечка? Принимаюсь и осторожно двигаюсь за ароматом, пока не нахожу столик, а на нем тарелку. Паль-

цы касаются чего-то мягкого. Блинные? А рядом пиала со сгущенкой. Сердце сбивается с ритма. Неужели Джихангир принес это для меня? Эта мысль неожиданно трогает так, что внутри становятся тепло.

Беру теплый блинчик, макаю и откусываю. Желудок благодарно урчит. Очень вкусно. Запиваю зеленым чаем, который стоит рядом.

Доедаю все, что мне принесли и облизываю пальцы, как маленькая и именно в этот момент дверь открывается. Я невольно напрягаюсь и прячу руки за спину.

— Не бойся, это я, — раздается голос Фараха. — Позавтракала?

Киваю, но улыбка с моих губ исчезает.

— Тебе одежду привезли, — продолжает он и судя по звуку заносит какие-то коробки. — На кровать поставлю?

— Хорошо, — перемещаюсь к окну.

Фара подходит ближе, ощущаю его ауру на коже.

— Слушай... — в голосе снова появляется липкая интонация. — Не такая уж ты и красивая.

Невольно отступаю, а он двигается за мной.

— Да не шарахайся ты так. Я ж тебя не съем.

Не отвечаю, но тело все равно напрягается.

— И почему Джин за тебя так трясется? — продолжает он. — Даже обидно.

Зачем он так говорит? Сердце тревожно дергается в груди. Не посмеет прикоснуться, потому что боится Джихангира.

Это отчетливо слышно в каждой интонации. Он этой мысли становится немного спокойнее.

— Ладно, — хмыкает Фара. — Не дрожи ты так, я уйду.

Он забирает поднос и идет к двери. В комнате становится тихо. Облегченно выдыхаю и двигаюсь к кровати, куда поставили коробки. Наощупь открываю первую. Ткань мягкая, скользит между пальцами. Вытаскиваю и раскладываю на кровати. Домашние костюмы, платья, футболки. Джинсы и спортивный костюм, теплая кофта и несколько комплектов нижнего белья. Все такое мягкое и приятное на ощупь, что хочется померить сразу все, но я не могу решить с чего начать. Вещи не колючие, не «правильные», купленные специально для меня, а не для чужого удобства.

Сажусь на кровать и долго перебираю вещи пальцами, так и не решившись ничего надеть. Такое состояние странное, я как маленькая девочка, попавшая в сказку. Все вокруг волшебное и необычное, только вот добрая сказка или кошмар, я пока не понимаю.

Не знаю сколько проходит времени, когда дверь снова открывается. Я вздрагиваю рефлексивно, хоть и чувствую, что это не Фарах. Узнаю по шагам и меняющейся ауре.

— Понравилась одежда? — голос Джихангира звучит совсем близко. Он спокойный и низкий, с легкой хрипотцой в интонации.

— Да, очень, — невольно смущаюсь. — Спасибо вам.

— Не мне, — усмехается он. — Это подарок Эльвиры Са-

бировны. И завтрак тоже.

Невольно огорчаюсь. Хотя чего я ждала?

— Она еще придет? — спрашиваю с надеждой.

— Обязательно, — в его голосе улавливается улыбка. —

Почему не переоделась?

Робко пожимаю плечами. Врать не хочется совершенно, и я говорю правду.

— Не смогла выбрать.

Джихангир подходит ближе, но не вторгается в мое пространство. Просто останавливается в шаге и наблюдает. Я под его взглядом невольно сжимаюсь, превращаясь в маленькую девочку.

— Попробуй вот этот, — говорит он. — Думаю голубой подойдет к твоим глазам.

Щеки мгновенно вспыхивают, а сердце взволнованно бьется в груди.

— Спасибо, — выдавливаю из себя, но с ужасом понимаю, что понятия не имею, какой из них голубой.

Джихангир явно собирается уходить. Чувствую это на интуитивном уровне, но почему-то остается. Лишь отходит к окну и, мне кажется, поворачивается спиной, рассматривая что-то там на улице.

Между нами плотной завесой висит тишина. Но не тяжелая, а какая-то непривычная.

— Ты странная, Аделия, — говорит Джихангир и от его голоса становится жарко.

Испуганно опускаю голову, неужели он все понял? Но не говорит больше ни слова и между нами снова растягивается тишина. Она начинает звенеть, болезненным эхом отдаваясь в сознании. Не могу больше в неизвестности и решаюсь спросить.

— Джихангир...

— М?

Он оборачивается. Не вижу, но ощущаю на себе его пристальный взгляд и нервно сглатываю.

— Вы отдадите меня Фараху?

Тьма сгущается вокруг меня и топит своей бездне. Страх ледяной рукой сковывает горло. Зачем я спросила? Кто дал мне право? Дура какая!

— Простите, — жалобно bleю, но вряд ли мне это поможет.

— Нет, — звучит коротко и жестко. От одной интонации по коже ползут крошечные колючки.

Он хочет сказать что-то еще, но не успевает. Звонит телефон. Джихангир раздраженно выдыхает, но на звонок не отвечает.

— Твой отец звонит, — сообщает мне полным холодного презрения голосом. — Передать ему что-то?

— Нет, не нужно, — качаю головой, и сама того не замечая начинаю кусать кубы.

— Мне нужно идти, — цедит он сквозь зубы и шаги звучат в сторону двери.

Ровные, размашистые. Дверь почти закрывается, и я не выдерживаю напряжения, возникшего между нами.

— Джихангир... — выдыхаю я.

Он останавливается несмотря на то, что телефон по-прежнему надывается.

— Спасибо вам...

Ничего не отвечает и удаляется, а я ложусь лицом на свою новую одежду и прикрываю глаза. Что нужно отцу? Что будет со мной? А если он потребует вернуть меня? Мамочки... как же страшно...

Глава 15. Джихангир

Выхожу в коридор и прикрываю за собой дверь. Телефон продолжает вибрировать в руке. Илай Фаттахов настырный, как черт. Мне совершенно не интересно зачем он звонит, послал бы его нахер, но все же принимаю звонок.

— Слушаю, — говорю спокойно и твердо.

— Джихангир, сынок... — его голос вкрадчивый, масляный. — Извини, что беспокою.

Одной интонации достаточно, чтобы догадаться, в каком ключе пойдет диалог.

— Говори, — бросаю небрежно, двигаясь к лестнице. Сублимирую раздражение в монотонное действие.

— Да вот... переживаю, — мямлит Илай. — Все думаю о дочери. Как она там...

Просто набор слов, не несущий смысловой нагрузки. Ничего не отвечаю и жду истинной причины. Илай мнетя, подбирает слова и никак не перейдет к сути.

— Ты не подумай ничего такого. Я просто... я бы хотел... приехать и проведать Аду.

Напряжение мгновенно сковывает мышцы.

— Зачем?

— Все-таки дочь, я волнуюсь... Хочу убедиться, что с ней все в порядке.

Ложь. Каждое слово. И я не собираюсь в этом участвовать.

Ноги этого человека не будет в моем доме.

— Исключено, — отвечаю жестко. — Это все?

Илай вздыхает, делает паузу. А потом продолжает лебедить:

— Понимаешь, Джихангир... По нашим обычаям... Если девушка живет в доме неженатого мужчины...

— То что? — перебиваю я.

Пытается прогнать меня традициями, но не выйдет. Вертел я этот средневековый бред...

— Все просто, ты же деловой человек. Ты получил что хотел, а теперь если Аделия тебе не нужна, — голос становится совсем сладким, — может, договоримся? Я заберу ее домой. Любую цену назови.

— Ты предлагаешь выкупить собственную дочь?

Сам удивляюсь, как ровно это звучит, хотя внутри уже все кипит от ярости.

— Зачем она тебе, Джихангир? — продолжает Фаттахов, не отвечая на вопрос. — Подумай сам. Какой с нее толк? Бракованный товар...

Челюсть сводит так, что зубы скрипят. Сжимаю кулак и разжимаю, мысленно впечатывая его в мерзкую физиономию Илая.

— Ты называешь свою дочь бракованным товаром?

— Ну... это фигурально, — спохватывается он, но слишком поздно. Моих демонов уже не успокоить. — Я просто хочу сказать... ты достоин другой девушки. А Аделия... она

же...

— Достаточно! — рявкаю так, что сам морщусь. — Слушай меня, Илай. Внимательно.

Он затихает и нервно сглатывает.

— Свое я никому не отдам. Твоя дочь принадлежит мне и это не предмет торга.

— Но, Джихангир...

— Еще раз назовешь ее товаром я приеду к тебе лично и вырву язык. Я достаточно доходчиво объясняю?

Фаттахов пыхтит в трубку.

— Значит, не договоримся? — вся сладость испаряется из его голоса.

— Нет, — ставлю жирную точку в этом вопросе.

— Тогда... — он запинаятся. — Тогда я найду с другой стороны. Ты пожалеешь о своем решении, — шипит, как шакал. — Тебе придется вернуть мою дочь.

Звонок прерывается, точнее этот мудака сбросил. Сжимаю смартфон в руке и смотрю на погасший экран. Вот же мразь. Едва сдерживаюсь, чтобы не запустить гаджет в стену. Шумно втягиваю воздух и медленно выдыхаю.

«Придется».

Слово гвоздем врывается мозг, оставляя болезненную пульсацию.

— Придется, — цежу сквозь зубы и прикрываю глаза. — Это мы еще посмотрим.

Сажусь на кресло и откидываюсь на спинку. Раскачиваюсь

из стороны в сторону и напряженно думаю. Достая телефон, пролистываю контакты и набираю парочку нужных номеров.

Общаюсь с одним из старейшин и результат разговора мне совсем не нравится. Но решить, как поступить дальше, я один не могу. Слишком многие люди попадут под удар.

К вечеру в кабинете собираются самые близкие. Камал приезжает первым, молча кивает и садится на диван у окна. Его брат Зейн появляется через десять минут. Хан входит последним, принося с собой запах сырости и дождя.

В помещении тишина, все ждут, что я скажу.

— Илай требует вернуть дочь, — начинаю без предисловий. — Все же решился.

— А ты сомневался, — хмыкает Камал и снисходительно качает головой.

— Надеялся, что страх победит жадность, — сжимаю переносицу пальцами. — Подключил старейшин и диаспору.

— И что они? — спрашивает Хан.

— Давят.

— На тебя или на него? — уточняет Зейн.

Он знает ответ. Просто хочет, чтобы я произнес это вслух.

— На меня, — цежу сквозь зубы.

— С отцом связывались старейшины, — говорит Камал. — Алан на твоей стороне, но... — он откидывается на спинку и смотрит в потолок. — Ему звонили из трех кланов. Требуют объяснений, кто позволил тебе похитить невесту со свадьбы. Не просто невесту, а дочь уважаемого человека.

— Этот трус сам отдал мне ее, — цежу сквозь зубы. — Не возразил ни единым словом.

— А теперь передумал, — хмыкает Хан. — И требует вернуть.

— Ни за что, — припечатываю ладонь к столу. — Эта девушка моя и точка.

— Да? — жестко обрывает Камал и смотрит на меня. — Илай хочет забрать ее вопреки здравому смыслу. Значит Муслим согласился жениться. Но если старейшины узнают, что девушка порченная. Тогда он отвалит ни с чем.

— Порченная никому не нужна, — тихо добавляет Зейн. — Теряет ценность. Это все решит, Джин.

Стискиваю кулаки. Прекрасно понимаю куда они клонят, но мне претит одна эта мысль.

— Я не насильник, — голос срывается в рык. — Вы что думаете я буду ломать девчонку через силу?

— Мы ничего не думаем, — спокойно отвечает Зейн. — Но остальные не знают тебя так, как мы. А факты вещь упрямая. Ты привез девушку в свой дом, она ночует в твоей комнате, значит она твоя. А если нет...

— Она — моя! — повторяю зло.

— Официально нет, — заканчивает за него Камал, — рано или поздно ее заберут. Либо Илай и Муслим, либо старейшины решат по-своему. Третьего не дано, Джин. Тебе не победить.

Смотрю на каждого из них. Хан молчит, но в глазах чита-

ется одобрение, а Зейн разглядывает свои руки.

Камал усмехается. Той самой кривой усмешкой, которая бесит до колик.

— И что вы предлагаете? — спрашиваю тихо.

— Этот вопрос надо было сразу закрывать, — хмурится Камал.

Сжимаю переносицу пальцами, голова начинает пухнуть обилия мыслей.

Вибрирует телефон. Камал достает свой, смотрит на экран. Лицо становится серьезным.

— Отец, — коротко бросает он и принимает звонок.

Слушает несколько секунд. Потом выдыхает и опускает руку.

— Диаспора требует вернуть девушку отцу, — голос его звучит глухо. — Немедленно. Если нет они сами приедут. И тогда...

— И тогда? — выдавливаю из себя.

— Тогда будет слишком поздно, Джин. — Он смотрит мне прямо в глаза. — Утром Аделию заберут.

Вскакиваю с места, стул летит в стену.

— Не отдам, — рычу. — Она моя, я сказал!

— Сядь, — спокойно говорит Зейн.

— Не учи меня, мать твою...

Я стою, тяжело дыша. Кулаки сжаты так, что кожа натягивается до предела. Внутри все кипит и рвется наружу. Мои демоны беснуются, они голодные и ждут меня, но я не вы-

пушу их.

Мужики не понимают. Никто не понимает. Я не могу тронуть Аделию. Не потому, что не хочу. Она красивая девушка и не может не вызывать желание. Но если я сейчас это сделаю, я стану таким же, как Муслим или Илай. Как все эти мрази, для которых женщина просто дырка для подтверждения статуса. Или выгодная сделка.

Но если не сделаю — ее заберут, а я не могу отдать.

Медленно опускаюсь обратно в кресло и провожу рукой по лицу.

— Что делать? — голос хриплый, чужой.

Камал молчит. Хан отводит взгляд. Зейн наливает мне вискарь и протягивает бокал.

— Решать тебе, Джин, — тихо говорит он. — Только времени почти не осталось.

Я беру бокал. Смотрю в янтарную жидкость и вижу в ней ее лицо. Бледное. Испуганное. Доверчивое.

«Вы отдадите меня Фараху?»

— Никому не отдам, — цежу сквозь зубы и залпом осушаю бокал.

Поднимаю взгляд на парней.

— Мне нужно подумать.

Они кивают и расходятся молча, а я притягиваю к себе бутылку вискаря и наливаю щедрую порцию в бокал. Вискарь обжигает горло, но не приносит облегчения. Пружина, сжимающая внутренности, не отпускает. Сжимается сильнее,

давит на ребра, на легкие.

Смотрю на свои руки, пальцы все еще сжаты в кулак, а лицо Аделии не уходит из мыслей.

Поднимаюсь на ноги. Меня пошатывает, но не от вискаря, а скорее от злости на себя, за то, что позволил этой ситуации вообще случиться. Ведь мог разрулить, но проявил слабость. Позволил этой девчонке тронуть что-то в душе, какие-то потаенные струны.

Иду к лестнице. Шаги злые и тяжелые, каждый отдается, как удар. На втором этаже тихо и светло. Останавливаюсь около двери в свою комнату, сжимаю ручку и медлю. Ледяной метал обжигает кожу, скриплю зубами и вхожу без стука.

Горящий в комнате свет неприятно слепит, но я не выключаю его. Аделия сидит на кровати, поджав колени, все еще в моей рубашке. Скольжу взглядом по ее фигурке, отмечая детали и голову заполняют совершенно неподходящие ситуации мысли. Почему не переделась? Не понравилась одежда?

— Джихангир? — ее голос тонкий, осторожный.

Не отвечаю. Закрываю дверь за спиной, щелчок замка режет тишину.

Аделия напрягается, словно чувствует мое состояние, но не реагирует. Просто сидит и ждет, что будет дальше. Из-за нее весь мой чертов мир сошел с ума, а единственный выход, который предлагают все вокруг вызывает тошноту.

Делаю мучительный шаг, потом еще один. Сворачиваю

к окну, расслабляю ворот рубашки, дышать тяжело, словно петля на шее затягивается сильнее.

— Что случилось? — тихо спрашивает Аделия.

Молчу, провожу ладонью по лицу, пытаюсь придумать хоть что-нибудь. Но вариантов нет. Совсем. Точнее ни один из имеющихся мне не нравится.

— Джихангир?

Голос звучит совсем рядом. Такой растерянный, испуганный и доверчивый. И это цепляет сильнее всего. Она доверяет совсем не тому человеку. Шумно втягиваю воздух, пытаюсь справиться с дыханием и перешагнуть через собственные принципы.

Поворачиваюсь. Аделия стоит неподалеку. Смотрит на меня, но почему-то кажется, что сквозь меня. Не в глаза, не на лицо, а мимо. Странная догадка царапает где-то внутри.

— Аделия.

— Да?

— Посмотри на меня.

Она послушно поднимает подбородок, но ничего не меняется. Взгляд не фокусируется, выражение лица остается прежним.

Да ну нахер! Поднимаю ладонь и провожу мимо ее лица несколько раз. Ноль эмоций, только губы едва заметно дрожат.

Сердце взволнованно кувыркается в груди, глухо отдаваясь в ребрах. Мне же не показалось? Беру девчонку за подбо-

родок и заставляю смотреть прямо на меня. Сам долго смотрю в эти невероятно красивые голубые глаза и впервые замечаю то, что должен был увидеть сразу. Осознание прокатывается по позвоночнику кипятком, снизу вверх и взрывается в мозгу яркой вспышкой.

— Твою мать... — вырывается хрипло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.